

ПРОШЛОЕ  
НАСТИГНЕТ  
ВНОВЬ

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

# Принцип Неизбежности

АЛИНА АРКАДИ

18+

**Алина Аркади**  
**Принцип неизбежности**  
Серия «Жестокые принципы», книга 3

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69574504](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69574504)*

*SelfPub; 2024*

**Аннотация**

Моя поездка задумывалась как невинное приключение перед началом семейной жизни с тем, кого одобрил отец. Но женщины в семье Островских, сами того не желая, неизбежно становятся магнитом для неприятностей. Поэтому, помогая незнакомцу, я даже представить не могла, что окунуться в мир, от которого меня старался уберечь отец. И вот я мчусь по лесной дороге в компании раненого мужчины, не предполагая, что впереди меня ждут опасность, тайны не моего прошлого, сложный выбор и... любовь.

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	60
Глава 7	73
Глава 8	86
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Алина Аркади**

# **Принцип неизбежности**

*когда будешь бродить между серых многоэтажек,  
потерявший силы, жажду жизни, смысл и ориентир,  
помни: ты можешь считать, что в этом мире совсем не*

*важен,*

*но для кого-то ты и есть тот самый мир.*

Аня Захарова<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> <https://vk.com/fatalitystihi>

# Глава 1

Аэропорт Швехата наводнён пассажирами, покидающими страну. Гордо вышагиваю, зная, что позади папа, вызвавшийся меня проводить, хотя я предпочитаю добираться сама. Мама ещё утром упорхнула в кондитерскую. Подготовка к фестивалю идёт полным ходом и отнимает всё её время. Глава семейства рычит, требуя внимания, а Соня и внушки поочерёдно проводят время то с ним, то с Гришей, который пребывает в одиночестве уже несколько дней, дожидаясь возвращения Таси с соревнований.

– Всё, билет у меня, – машу перед папиным носом бумажкой, – вещи сдала в багаж.

В моих руках небольшой рюкзак, которым я давно заменила женскую сумку. Проверяю, на месте ли телефон, наушники и необходимые документы, кивая самой себе. Папа молчаливо наблюдает за моими действиями, контролируя взглядом каждое движение.

– Через три недели я тебя встречу, – обнимает одной рукой и целует в макушку, задерживая на секунду в объятиях.

Мы оба избегаем касаний в повседневной жизни, и оттого его жест кажется ещё более сентиментальным и глубоким. Собираюсь оторваться от отца, чтобы пройти на посадку, но в какой-то момент пробивает осознание, что интересующий вопрос задать необходимо.

– Пап, ты что-нибудь для меня приготовил?

– В каком смысле? – И он действительно не понимает, о чём я спрашиваю.

– Пять лет назад, когда Тася отправилась в Россию, вернулась несвободной и в компании мужа. И, как стало известно после, её брак был оформлен ещё до того, как приземлился самолёт. Я не люблю сюрпризы, поэтому спрошу ещё раз: ты что-нибудь для меня приготовил?

– Аннушка, ты не Тася. Она стремилась к Грише, потому как с ним одним представляла своё счастье. И добилась желаемого. Что ещё раз подтверждает – женщины в нашей семье бесконечно упорные. Выбранная кандидатура меня не радует...

– Он её любит, – перечу отцу, понимая, о чём говорю.

– Лишь одно это спасает Ярова от моей злости и негодования. Он ведь прекрасно понимает: не будь Тася в него влюблена, как кошка, он бы не смог её получить, даже применив титанические усилия. Я бы не позволил. Но счастье одной из моих девочек заставляет меня засунуть язык в задницу и смиренно наблюдать, как растут внуки. – При упоминании двух белокурых бестий на лице отца проскальзывает тёплая улыбка. Лиза и Катя фантастическим образом делают из сосредоточенного дедушки лапочку, не отказывающуюся от обнимашек и многочисленных поцелуев. Даже мама замирает в такие моменты и, кажется, упивается разливающейся нежностью в немереных количествах. – Но выбор Та-

исии должен стать уроком для вас с Соней: впредь я хочу видеть рядом с дочерьми хороших мальчиков. Одного паршивого зятя достаточно. — И сейчас я понимаю: то, что сошло с рук Тасе, нам с Соней не простят. И даже мама не сможет на него повлиять. — Поэтому Бэрнаби меня устраивает. Да и ваши чувства, если не ошибаюсь, взаимны.

— Да, — подтверждаю его слова, вспоминая мужчину, с которым состою в отношениях почти год. — Предложение я приняла, вот только со свадьбой пока не определились...

— Определелись, — чеканит отец, — через месяц. — А вот и сюрприз, но, в отличие от Таси, никакой интриги, исключительно скудная констатация всем известного факта. — Будем считать, что эта поездка — твоя одиночная вылазка перед началом семейной жизни.

И папа как всегда прав, потому как Барни осмелел моё желание отправиться в Россию, чтобы встретиться лично с Динной и проехаться по интересным местам. Несколько раз побывав на Родине родителей, я влюбилась в Москву. Но все поездки проходили в компании Ароновых. Сейчас же полная свобода действий и стремление посмотреть всё, чего пожелает душа.

— Я вернусь через три недели, и на подготовку к свадьбе останется всего неделя! А как же организация, платье, гости...

— Мама возьмёт этот момент на себя, — фиксирует моё лицо ладонями, целуя в лоб и успокаивая нарастающее возму-

щение. – Как только Тася вернётся с соревнований, поможет. Родители Барнаби уже включились в процесс, с нетерпением ожидая, когда ты войдёшь в их семью. Аннушка, – папа переключает моё внимание на себя, – отдыхай, набирайся впечатлений и познавай этот мир, только держись подальше от того места, о котором мы говорили.

– Пап, я не собираюсь ехать туда, где всё началось для вас с мамой и Таси. Лично меня не цепляют воспоминания и ностальгия, потому что я выросла уже здесь. Обещаю не ввязываться в сомнительные авантюры, не знакомиться с подозрительными личностями и не совершать опрометчивых поступков. Я всегда думаю головой.

– Мне кажется, ты единственная, кто пошёл в меня, – хитро улыбается, подмигивая и давая понять, что эмоциональный Костя сначала делает и лишь потом думает, а Сонька пока себя не проявила. – Но, несмотря на всё сказанное, знай: ты можешь обратиться ко мне с любой проблемой.

– Даже если совершу нечто противозаконное?

– Даже если аморальное.

И в этот момент взгляд отца устремляется мимо меня, словно его накрыло воспоминание, вызывающее улыбку и толику теплоты. Мне всегда было интересно, какие картинки из прошлого греют изнутри его израненную душу и латают искалеченное тело.

Прощаюсь с папой, провожающим меня взглядом, пока я не скрываюсь в зоне контроля, чтобы пройти досмотр.



И пока пассажиры занимают места, пишу Дине, что через несколько часов мы увидимся, и пару слов Барнаби, который отвечает смайликами, добавляя в конце «love».

Мы никогда не говорили о чувствах. Венгр с немецкими корнями, мой жених всегда собран, пунктуален и максимально сдержан. И мне бы радоваться, как говорит папа, «хорошему мальчику», вот только я всё чаще наблюдаю за Тасей и Гришей, с досадой понимая, что огня, в котором они сгорают, у меня никогда не будет.

Когда сестра вернулась с Яровым, я в силу возраста не понимала, по какой причине бесится папа, срываясь на зяте и повторяя, что он не пара его дочери. Но Тася доказывала обратное, когда светилась от счастья в присутствии мужа и растекалась в его руках, млея от каждого прикосновения. Её глаза светятся и сейчас при упоминании Ярова. Когда человек говорит о том, кого любит, всё напряжение проходит, а из глаз струится мягкий свет. Этот свет преображает, и человек становится невероятно красивым, нежным. И немного этого света передаётся другим, заполняя окружающих подобным чувством лёгкости и радости. Я, в отличие от папы, верю Грише, но ещё больше верю Тасе, глаза которой каждый день доказывают, что она счастлива и спокойна.

Когда мне исполнилось восемнадцать, сестра поделилась с мужем историей во всех красках, вызвав шок, а затем и непонимание. Со временем, снова и снова прогоняя в мыслях рассказ Таси, я поняла, что любовь толкает на самые без-

рассудные поступки, заставляющие забыть об инстинкте самосохранения и поставить на пьедестал благополучие другого человека. И если мы готовы пожертвовать всем ради кого-то, разве это не есть проявление глубокого чувства? Подобным образом когда-то поступила мама, а затем и Тася, показавшие своим мужчинам, что они готовы на многое и даже на всё.

Прикинув на себя эти моменты, поняла, что хотела бы видеть рядом предсказуемого Барнаби, неспособного на спонтанность и импульсивность, сдерживающего моих рвущихся временами демонов наружу и заглушающего их порывы. Но одновременно внутри кипит необходимость познать страсть и огонь, заставляющий поддаться соблазнам, отбросить в сторону «правильно» и сорваться в бездну, где сгнуло немало раскуроченных сердец. И если эта поездка своего рода отрыв перед замужеством, я для себя определила: приключения придают вкус пресной жизни, которая меня ждёт рядом с Барни, а значит, могу себе позволить сделать нечто неблагодарное и из ряда вон выходящее. Целенаправленно искать проблем на свою пятую точку не собираюсь, но если подвернётся шанс присыпать спокойный отдых жгучей приправой, то почему нет?

Не замечаю, как самолёт идёт на посадку, и в иллюминатор разглядываю виды внизу. Не тороплюсь, ожидая, пока самые нетерпеливые пронесутся по проходу, а затем беру рюкзак и топаю по трапу.

Ищу Дину, вглядываясь в лица, а потом замечаю рыжую макушку, которая маячит среди множества людей.

– Динка! – поднимаю руку, чтобы повертеть из стороны в сторону и привлечь внимания.

– Аня! – набрасывается на меня, стискивая в объятиях и кружа. – Ты... ты... – трогает мои волосы, перебирая пряди.

– Да, больше не блондинка! Пару недель назад решила изменить образ. Зашла в салон, выбрала цвет и вот, – кручусь перед девушкой, – даже брови сделала тёмными. Мне не идёт?

– Идёт, конечно. Подлецу всё к лицу, – хохочет и тащит меня к выходу. – Шучу! Но синие глаза стали выразительнее, а цвет глубже. А почему такие перемены?

– Не знаю, – пожимаю плечами, силясь вспомнить, в какой момент пришла в голову идея выделяться среди женщин в моей семье. – Муж сестры обмолвился, что у меня классический типаж, от которого не ждут особых интеллектуальных способностей, и вот... Эксперимент. Но мне и самой нравится.

– У меня никогда не получалось отрастить длинные волосы. Максимум до плеч, и то я без сожаления от них избавлялась, оставляя привычные пять сантиметров.

Дина проводит по голове, теребя короткие рыжие волосы. Аккуратная стрижка идеально подходит худенькой, невысокой девушке с узким лицом, а большие зелёные глаза подчёркивают огненный цвет, делая её интересной и запомина-

ющеюся.

– Итак, – начинает она, как только падаем на заднее сиденье такси, – я приготовила насыщенную программу. Вот только эту неделю придётся тебе осмотреть достопримечательности в одиночестве, потому что «любимый» босс выделил мне всего две недели. Но с понедельника я твоя, а значит, кроме всем известных мест мы посетим те, что не прописаны в официальных маршрутах. Прости, я не смогла его уговорить... —В глазах Дины сожаление, которое передаётся мне лишь на секунду.

– Без проблем. Я с радостью поброжу одна. Я из тех людей, кто спокойно может пойти в кафе, парк и концерт в одиночестве и не испытывать при этом дискомфорт.

– Завидую, – вздыхает Дина, посматривая на дисплей телефона таксиста, где отображается длительность поездки. – Соседка по квартире уехала на время каникул, а я даже в торговый центр не могу сходить одна. Мне нужна компания.

– Теперь у тебя есть я, – обнимаю девушку, получая истинное наслаждение от касаний к практически незнакомому человеку. – Кстати, что за работа?

– Подработка. На лето. Попала в хорошее кафе администратором. График нормальный, зарплата устраивает, коллектив в большинстве своём приятный. Только босс часто не в настроении, но и к этому я привыкла. Просит, чтобы я осталась, но пока не знаю, как совмещать учёбу и работу. В общем, до сентября есть время. Ты, кстати, онлайн-курсы

закончила?

– Да, постаралась до отъезда.

По пути обсуждаем тот самый курс, на котором познакомились. Формат онлайн позволил студентам из нескольких стран принять участие в обучении, чтобы после были отобраны лучшие, которые получают возможность отправиться в другую страну по обмену. И если мне этот бонус не нужен, то Дина мечтает отправиться в Европу, чтобы отточить знания международного права и получить возможность переехать.

– А вот и моё скромное жилище. – Дина замирает посреди комнаты и будто стесняется тесной квартирki с двумя маленькими помещениями, кухней метр на метр и санузлом, в котором едва можно развернуться. – Понимаю, ты привыкла к другому... – закусывает губу, рассматривая пальчики на ногах.

– Дин, всё в порядке. Да, я живу в условиях куда лучше, но благодарна тебе за гостеприимство. Но скажи сразу, – закатываю чемодан, который занимает треть комнаты, – если тебя стесняю. Могу поехать в отель.

– Нет-нет, Ань. Оставайся. Мне так спокойнее. Я вроде как ответственна за тебя...

– Ты? – хохочу, не веря в услышанное, словно я маленький ребёнок, которого нужно водить за ручку и не выпускать из вида. – Мне девятнадцать. Почти двадцать. Стукнет через месяц, а значит, я сама за себя отвечаю. А ты, – тяну её на кухню, – лучше сделай кофе.

## Глава 2

Дина носится по кухне, всячески стараясь меня ублажить, предлагает пирожные и пирог собственного приготовления. И он действительно хорош. Мне есть с чем сравнивать, потому как за свою жизнь я перепробовала многочисленные творения мамы. Кажется, меня ничем не удивить. К сожалению, я в готовке не сильна, о чём мне не раз говорил папа, уточняя, что серое вещество, которое находится в моей хорошенькой головке, куда важнее.

**Барни:** I hope you've arrived. Has somebody met you? Anna, would you come back earlier so that we could start preparing for the wedding?<sup>2</sup>

**Я:** I will be back in 3 weeks, as planned. This is my holiday and I'll spend it the way I want to. You could fly with me. I offered that to you.<sup>3</sup>

**Барни:** I don't think Russia could be interesting for me. I've heard a lot about this country and there was nothing positive about it. I think I would be disappointed.<sup>4</sup>

---

<sup>2</sup> Надеюсь, ты долетела. Тебя встретили? Анна, может, ты вернёшься раньше и мы займёмся подготовкой к свадьбе?

<sup>3</sup> Вернусь через три недели, как и планировала. Этой мой отпуск, и я проведу его так, как хочу. Ты мог полететь со мной. Я предлагала.

<sup>4</sup> Не думаю, что мне было бы интересно в России. Я слышал много рассказов об этой стране, и ничего позитивного в них не было. Думаю, я был бы разочарован.

**Я:** A picture is worth a thousand words.<sup>5</sup>

Начинаю злиться, понимая, что ещё пара сообщений – и мы схлестнёмся на теме страны, которую я люблю. Я выросла в другом месте, но мамины рассказы разжигали стремление увидеть всё своими глазами. И такой шанс выдался, когда мне было четырнадцать. Вика предложила поехать в свой город, где познакомила с родственниками и показала невероятно красивые места. Именно тогда я поняла, что хочу вернуться не единожды, чтобы впитать наполненный жизнью воздух.

**Барни:** I don't want to argue. Let's finish. Have a good rest.<sup>6</sup>

Быстро. Как правило, Барнаби основательно давит, словно желает, чтобы я приняла его сторону и больше никогда не вспоминала страну, где родились мои родители. Что ж, ему же лучше. В противном случае всё завершилось бы очередной ссорой, в которой не было бы победителей. Я всегда остаюсь при своём мнении.

– Барни? – Дина заставляет отвлечься от телефона. – Ты так и не показала мне его фото. – Открываю галерею и листаю картинки, слушая проникновенные вздохи девушки. – Очень красивый мужчина... – комментирует с придыханием, увеличивая фотографии и разглядывая каждый кусочек. – Не буду спорить.

Высокий, широкоплечий блондин без сомнений привле-

---

<sup>5</sup> Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

<sup>6</sup> Я не хочу ссориться. Давай оставим эту тему. Хорошего отдыха.

кает женский пол, а идеальные манеры и способность преподнести себя исключительно в лучшем свете добавляют объём слюноотделения у женщин, которые попадают под обаяние Барнаби.

– Что нет так? – Дина напрягается, переключаясь на меня и оставляя без внимания фото, на котором мужчина запечатлён лишь в плавках.

– У меня русская семья. Папа категорически не говорит на английском, уверяя, что и двадцать лет назад было поздно познавать чужой язык. С ним везде таскается переводчик. Муж сестры только-только подошёл к стадии, когда может не запинаясь озвучить свои мысли. Сонька лепечет на русском вперемешку с английским, племянницы тоже. Мама и брат говорят свободно, как и мы с Тасей, но когда семья Барни приходит в наш дом, мы трое на себе вывозим все беседы, параллельно переводя отцу и Грише. Они не понимают наших шуток, и часто приходится объяснять, с какой целью я произнесла это или почему папа выдал определённую фразу. Очень напрягает. Нет, Барни интересный, умный, с присущей только ему изюминкой, но...

– Без огонька, да?

– Да, – кажется, впервые позволяю себе высказаться о мужчине, с которым планирую связать судьбу. – Бесконечно внимательный, заботливый, тактичный. С ним безопасно и спокойно. Он давно определился, с кем и каким образом проживёт свою жизнь. Чёткий план предполагает жену, дво-



их детей, дом, род занятий, расписание совместного отдыха и высоту ёлки на Рождество. Всё замечательно, но... так пресно. Иногда до тошноты. Я идиотка, да?

– Ну вообще, то, что ты сейчас описала, мне не нравится. – Дина подталкивает ко мне эклеры, которые на вкус оказываются не хуже, чем у мамы. – Или это потому, что мы, девочки, иногда нуждаемся в эмоциональных качелях, встряхивающих и разжигающих чувства. А какой он в сексе? – Дина переходит на шёпот, будто опасаясь быть услышанной.

– Я не знаю, – пожимаю плечами, а глаза девушки мгновенно расширяются. – Как только Барни узнал, что я девственница, почему-то заявил, что будут соблюдены обычаи и первая брачная ночь станет действительно первой.

– Я думала, такого уже не существует. Конечно, не стоит отдаваться первому встречному, но вы вроде почти год вместе и всё определено...

– Поцелуи и откровенные касания присутствовали, но в какой-то момент Барни переклинило, и он заявил, что с более серьёзными телодвижениями мы подождём до брака.

– Странно, конечно. Ему двадцать пять, насколько я помню, и секс необходим... – Дина прикусывает губу, не озвучивая то, что и так понятно любому человеку.

– Если ты о том, что секс необходим для молодого энергичного в физическом плане мужчины, то я согласна. С кем он удовлетворяет потребности, я не в курсе, подобного рода разговоры он пресекает сразу, называя эту тему «the

innermost<sup>7</sup>». По его мнению, говорить откровенно можно лишь после заключения брака.

– Прости, но меня подташнивает. – В девушку рикошетят мои эмоции, а также мысли, которыми я обычно сопровождаю подобные высказывания Барнаби. – А если он тебе не понравится? В сексуальном плане. Вдруг у него... не твой размер? Я, конечно, ставлю плюсик за правильность, но не настолько же.

– Зато он «хороший мальчик», – издаю смешок, вспоминая, с каким выражением лица папа произносит это словосочетание, намекая на паршивого зятя номер один.

– И что входит в это понятие?

– Отсутствие криминального прошлого, судимостей, тёмных пятен в биографии... и разница возрасте не в двадцать лет.

– Ты же понимаешь, что встретить мужчину с таким послужным списком можно лишь в том случае, если крутиться в определённых кругах?

И я-то понимаю, вот только вдаваться в историю нашей семьи не намерена. И если у мамы законный бизнес, то папа лишь прикрывается легальным заработком. И последний год я была непосредственным участником процесса, который приносит нашей семье огромные доходы.

– Дина, я сейчас озвучила характеристику мужа сестры. Все пункты в его случае соблюдены.

---

<sup>7</sup> сокровенная

– И где она такого нашла?

– В воспоминаниях.

Вижу недоумение на её лице, но напряжённую историю воссоединения Гриши и Таси рассказывать не желаю. Несмотря на недовольство папы, старшая сестра не устаёт повторять, что за мужа она готова встать стеной даже при условии, что против него выступит весь мир. Безумно, но они счастливы в этом безумии и иного не желают.

– А поподробнее? – наливает вторую порцию чая, приготовившись к рассказу. – Мне очень интересно.

– Длинная, моментами неприятная история, которую я не имею права озвучивать без согласия её участников. Извини.

– Ладно-ладно, поняла, – поднимает руки, быстро поняв, что откровенности ждать не стоит. – Спать? – Киваю, понимая, что силы меня покидают, а тело требует расслабиться в горизонтальном положении. – Я забронировала билеты в Санкт-Петербург. Через три дня полетим, прогуляемся по городу, посмотрим интересные места, а потом махнём в Казань. А дальше я не придумала.

– Придумаем вместе.

– Кстати, однокурсница предложили сходить в ночной клуб. Новый, но уже невероятно популярный. По пятницам там проводятся шумные вечеринки и можно познакомиться с симпатичными парнями, – подмигивает, но затем, спохватившись, охает: – Прости. У тебя жених. Я про себя. Ни к чему не подстрекаю.

– Да нет, я не против знакомств. К тому же, – приближаюсь, играя бровями, чем вызываю улыбку Дины, – через месяц я выйду замуж, а значит, могу себе позволить маленькое приключение, о котором потом буду долго вспоминать. Но об этом мы никому не скажем, – шепчу и хихикаю, чем зарабатываю поддержку Дины, глаза которой горят в предвкушении.

Звоню маме, а услышав в голосе тревогу, не сразу понимаю, в чём причина. Но она озвучивает страхи, которые одолевали её, когда в Россию отправилась Тася. Долго убеждаю, что не преследую цель ввязаться в сомнительное действие и нажить кучу проблем, и вообще, кроме Дины никого не знаю. Моя задача – отдохнуть, познакомиться с интересными людьми и по возможности прокатиться по самым красивым местам этой страны. Градус напряжения падает, но мама вновь и вновь повторяет, что в случае неприятностей я всегда могу обратиться к папе, который, даже находясь далеко, способен разрешить неразрешимое. Уверена, его помощь мне не пригодится. К тому же будущее определено, а дома меня ждёт «хороший мальчик», которого отец настойчиво затягивает в нашу семью. словно хочет показать Тасе, что выбранный ею мужчина кардинально отличается от Барнаби Шёрана, идеального во всём.

Проснувшись утром, завтракаю в одиночестве. Последовав совету Дины, отправляюсь гулять по городу, наслаждаясь атмосферой и самым воздухом, пропитывающим лёгкие

и внося эйфорию. Не знаю, почему я чувствую себя настолько умиротворённо, но сладкое чувство подкупает, заставляя прошагать несколько улиц. Лишь спустя пару часов захожу в кафе, чтобы перекусить и отправиться дальше.

Барнаби молчит, не желая ввязываться в конфликт. Он откровенно не понимает, что ему будет очень сложно не контактировать с моей семьёй, затаившись в собственном доме. В нашей семье шумно отмечают праздники и любят собираться за одним столом по выходным. Даже папа за двадцать лет стал более коммуникабельным, угождая маме и всё реже отказываясь куда-то идти. Но, если мы вовлекаемся в беседу, затрагивая тему, которая будоражит всех, Барни отходит на второй план, лишь иногда вклиниваясь в разговор, чтобы напомнить о себе. И этот момент злит отца, но больше всех бесится Гриша, который пока остаётся единственным после главы семейства мужчиной, способным стать опорой для остальных.

Смахиваю экран, чтобы набрать сообщение Барнаби, но останавливаюсь и откладываю этот момент на потом. Не хочу портить день, наполненный спокойствием и умиротворением, очередной ссорой. Вскользь проскакивает мысль, что было бы отлично не контактировать с женихом все три недели, которые я проведу здесь. Возможно, расстояние поспособствует теплоте в наших отношениях или же лишь отдалит. В любом случае стать женой Барнаби придётся, потому что так решил папа, который решений не меняет. И если с

выбором Таси он смирился, то мне данная привилегия не светит.

Проехав несколько остановок на метро, бреду по наитию, скрыв взгляд за тёмными очками и радуясь русской речи, которая льётся отовсюду. Предложение Барни записаться на курсы и попробовать выучить русский было встречено в штыки и грубо отвергнуто, а меня коробит, когда приходится объяснять каждую шутку и просить прощения за родственников, которые, по мнению жениха, выразились неподобающим образом со скрытым подтекстом. В такие моменты я со скрипом принимаю тот факт, что этот человек станет моим мужем, но все положительные качества Барнаби перевешивают незначительный момент незнания языка, и я успокаиваюсь, смирившись со своей участью.

Побродив по городу и изнасиловав ноги до состояния мозолей, возвращаюсь в квартиру, чтобы дожидаться Дину. Завтра вновь отправлюсь на прогулку, а вот послезавтра мы поедem в клуб, где я, надеюсь, немного расслаблюсь и обрету новых знакомых.

## Глава 3

– Теперь вижу, что клуб действительно популярен.

Осматриваюсь, наблюдая бесконечную очередь из желающих попасть внутрь и стать частью пятничного вечера. Уже час топчемся в намертво застрявшей на месте колонне людей без надежды оказаться в здании.

– Огромная территория, четыре зала с разной музыкой, шесть баров и большой балкон, на котором проходят вечеринки, – салютует Дина и высматривает кого-то. – Ну где же она?

– Кто?

– Однокурсница моя. Нинель. Обещала прийти, но пока нет её. А вообще, не переживай, мы и вдвоём неплохо оторвёмся. Кстати, вход пять тысяч стоит. Забыла сказать.

Забиваю в поисковик курс доллара и достаю сотню, протягивая подруге. Понимаю по взгляду, что для девушки, которая живёт на съёмной квартире в Москве, сумма существенная.

– Хватит за двоих? Или принимают только рубли?

– Ещё бы, – рассматривает зелёную бумажку, словно впервые видит, а уже через минуту протягивает её секьюрити.

Два коренастых парня в чёрных футболках пробегаются оценивающим взглядом, а затем один из них отходит в сторону, освобождая проход. Дина шумно выдыхает и тащит

меня внутрь, тут же смешиваясь с толпой. Яркие, бьющие по глазам пульсацией в такт музыке огни подстёгивают желание ворваться в веселье и присоединиться к скачущим людям. Но подруга пробивается между тел, и мы оказываемся возле барной стойки.

– В стоимость входит бесплатный коктейль, – награждает меня довольной улыбкой и, почти перегнувшись через стойку в попытке докричаться до бармена, что-то быстро говорит. – Сейчас всё будет.

Уже через пять минут мы потягиваем коктейли в высоких бокалах и осматриваемся. Среди хаоса и грохочущих ритмов вылавливаю взглядом лица мужского пола, отмечая, что некоторые довольно привлекательны. Схлестнувшись с парой мужчин, отмечаю заинтересованность, медленно стекающую с моего лица на глубокий вырез платья, которое держится лишь на тонких цепочках. Внушительными формами я похвастаться не могу, стесняясь скромного второго размера, но ведь никто не отменял женские хитрости, позволяющие создать привлекательную картинку, на которую сейчас и пялится высокий блондин. Награждаю его лукавой улыбкой, словно приглашая подойти, и уже через мгновениедвигаюсь в такт музыке под многообещающим взглядом мужчины.

И мне не стыдно, что через месяц я должна отправиться под венец с Барни. Возможно, эта поездка – последний шанс побыть настоящей. Через двадцать минут пробираемся к стойке, чтобы заказать напитки, но я торможу после вто-



рого, не желая, чтобы воспоминания об этом вечере испарились, а вот Дина, похоже, решает пойти в отрыв, вливая в себя несколько шотов.

Теряюсь во времени, заигрывая в движении с блондином, который почти созрел, чтобы продолжить знакомство, но меня резко дёргают за руку, и я вижу перекошенное лицо Дины, кивающей куда-то в сторону. Быстро перебираю ногами, пока она расталкивает локтями людей, и лишь спустя несколько минут понимаю, что Дина рвётся в уборную, перед которой километровая очередь из девочек.

– Ждём, – останавливаюсь, но подруга дёргает в сторону.

– Не могу ждать, – с трудом ворочает языком, зажимая рот ладонью, – меня сейчас стошнит, Ань. Мне надо туда... – кивает в сторону двери. – Я сейчас... – прижимает ладошку к губам.

– Чёрт, Дина!

Несколько секунд, чтобы оценить обстановку, схватить ее и рвануть дальше по коридору. Как правило, в туалете мальчиков всегда пусто, и я убеждаюсь в этом, когда перед дверью с надписью «Мам» не наблюдаю ни единой души. Отворяю, заталкиваю Дину в первую же кабинку, «наслаждаясь» звуками спасительного освобождения организма от нескольких коктейлей. И лишь затем наклоняюсь, сканируя пространство под дверями, чтобы убедиться – мы одни.

– Не задерживайся, – стучу по кабинке, – в любой момент могут ввалиться мальчики.

– Почти всё...

Прилипаю к зеркалу, поправляя макияж, а когда собираюсь проверить, не идёт ли кто-то в нашем направлении, дверь распахивается, ударяясь о стену, и передо мной вырастает мужская фигура. Скольжу глазами по телу, отмечая дорожную чёрную рубашку, обтягивающую сильный торс, шею, на которой выступают канатами вены, наконец, добираясь до лица и попадая в капкан его взгляда. Чёрный, словно непроглядная тьма, затягивающий в бездну, гипнотизирует. От этого мужчины разит звериной энергетикой, подчиняющей без сопротивления. Но моё внимание привлекает шрам, начинающийся на лбу, разрезающий бровь и спускающийся на щеку, где кончик тонет в щетине. След, подобный тому, что запечатлён на лице папы, всё же не такой глубокий и рваный, но не менее устрашающий. Застываю, будто парализованная, не чувствуя онемевшего тела и погружаясь в густой мрак. Опасный и сильный. Над ним бегущей строкой проносятся «danger<sup>8</sup>», и я силюсь сдвинуться с места, но по-прежнему осматриваю того, кто взглядом оставляет на моей коже колючие следы.

Не сразу понимаю, что в данную минуту испытываю именно то, что пригибает людей перед отцом, когда он, лениво окидывая взглядом, способен довести до истеричного состояния. На нас удушающая аура Парето не действует в силу отсутствия страха перед человеком, которым является род-

---

<sup>8</sup> опасно

ным и бесконечно любимым, но много раз я становилась свидетелем того, как люди опускали головы, когда он входил в комнату. Словно это само собой разумеющийся жест, не требующий напоминания и позволяющий понять, кто слабее и готов подчиниться. Именно по этой причине ужас, сжимающий тисками моё тело, отпускает, а я без страха изучаю мужчину перед собой. И всё же пропускаю момент, когда он ко мне обращается.

– Это мужской, – гремит низкий голос, пронзая хрипотцой и недовольством.

– Ч-что? – выныривая из тумана, улавливаю звуки, которые на пару минут испарились, оставив в моём мире лишь его.

– Мужской туалет.

Он рассержен нашим присутствием. Заставляю себя сдвинуться с места и, открыв кабинку, вытягиваю Дину, которая медленно приходит в норму, но всё ещё дезориентирована.

– Прошу прощения, – пробираюсь по стеночке, понимая, что нарываться не стоит. – В женском огромная очередь, а подруге плохо. Извините, – пишу и, протиснувшись в дверь, спешу покинуть нового «знакомо­го». – Лучше? – тряс­у Дину, получа­я более-менее осоз­нан­ный взгляд.

– Да. Пошли.

Возвращаемся, а по пути успеваю отметить двух парней в ярких футболках и с татуировками на шее, которые увлечены энергичной беседой. Непонятно, они ссорятся или же

просто спорят, размахивая руками, но когда исчезают в той части, откуда мы только что вывернули, я благополучно забываю о них.

– Может, уедем? – предлагаю подруге, которой сейчас не помешал бы диван и горизонтальное положение, но Дина лишь отрицательно качает головой.

– Ты что, Ань? Сто долларов отдали, а толком не повеселились. Сейчас... – выуживает телефон из небольшой сумочки и читает сообщение, сразу приободряясь. – Нинель появилась. Пойдём к стойке.

И мы протискиваемся между людьми, пробивая местечко у бара и дожидаясь подругу Дины. Та не заставляет себя ждать, появляясь в ярко-зелёном платье и на высоких каблуках. Она раза в три больше меня, но, кажется, пышная фигура её не смущает. Короткая, подобно Дининой стрижка добавляет изюминку, делая Нинель привлекательной. Уходим на танцпол, оставляя рыжую у стойки, и продолжаем веселье, пока не раздаётся крик, оказывающийся громче музыки, и толпа застывает.

Спустя двадцать минут помещение медленно освобождается по приказу полиции, и все ползут к выходу.

– Интересно, что случилось? – шепчет Нинель. – Уверена, что-то серьёзное, раз всех выгнали из клуба вечером в пятницу. В выходные здесь вздохнуть негде.

– Поехали, девочки. Вряд ли мы попадём внутрь, – скулю, желая избавиться от высоких каблуков, которые напоминают

истерзанным ногам, что три дня я шаталась по Москве.

– Подожди, – шипит протрезвевшая Дина. – Я хочу посмотреть, в чём дело.

Многие, как и мы, с интересом наблюдают за движениями полиции, не спешат покинуть территорию. Мы с девочками в первом зрительном ряду, и площадка как на ладони.

Понимаем причины стремительного завершения вечера, когда из клуба выносят два тела в чёрных пакетах и кладут на каталки. Мужчина в форме подходит к одному из них и растёгивает мешок. И я едва слышно охаю, потому что сразу вспоминаю одного из двух парней, направлявшихся в туалет после нас. Но меня охватывает паника, когда понимаю, что там же остался незнакомец со шрамом. Полицейский не сразу подходит ко второму телу, но, рассмотрев, кто в пакете, я облегчённо выдыхаю, потому что по непонятным причинам не желала бы увидеть мёртвым опасного мужчину, оставшегося в уборной. Странное и напрягающее чувство проходит, когда меня отпускает, и девчонки, наконец, соглашаются отправиться домой.

– Вот же чёрт. – Подруга, скидывая туфли, направляется в ванную, чтобы бросить резкий комментарий, когда в отражении на неё смотрит девушка с помятым лицом и испорченным макияжем. – Прости, Ань. Неудобно вышло. Хотела развлечь тебя, а сама не рассчитала силы.

– Всё в порядке. Это не последняя пятница, да и мы всегда можем найти развлечение не только в клубе. Ты как себя

чувствуешь?

– Лучше. После освобождения... – указывает на свой рот. – Мне показалось или в туалете ты с кем-то разговаривала?

– Да. С мужчиной. Он был недоволен нашим присутствием, поэтому я поспешила утащить тебя.

– Симпатичный? – лыбится она, отпивая большими глотками минералку.

– Не рассмотрела.

Не желаю признаваться, что изучала его с неподдельным интересом, увязнув в капкане тёмных глаз и напитываясь животным магнетизмом. Страхиваю наваждение незнакомца со шрамом, напоминая себе, что такие мужчины не для меня. Они не подходят под определение «хороший мальчик», и, скорее, из серии папы и Гриши. От таких с детства мне было велено держаться как можно дальше, чтобы не заполнять нашу семью «сомнительными элементами».

– О, смотри. – Дина тычет в меня телефоном и, взяв его в руки, я не сразу понимаю, на что должна смотреть.

– Куда?

– Вот же: «Два часа назад в клубе «Melta» был убит сын депутата Эдуарда Андросова. Макара Андросова – один из акционеров корпорации «Призма», занимающей добычей алмазов. Также был застрелен его друг Юрий Самаров, который, по сведениям правоохранительных органов, всегда сопровождал Эдуарда. Возбуждено уголовное дело по статье

105 «Убийство». О, смотри, и фото уже кто-то выложил...

Она открывает картинки, и мы рассматриваем два тела в кабинках того самого туалета. Сразу отмечаю особенность выстрелов: один в голову, один в сердце. И если Дина, далёкая от мира криминала, не понимает, что видит, то я могу сказать точно – заказ. Чисто, быстро и тихо, судя по тому, что в новости указывается: тела нашли не сразу. Зашёл и вышел, умело смешавшись с толпой. На секунду пролетает мысль о незнакомце, которую я сразу же отгоняю прочь, не желая вдаваться в подробности произошедшего и рассматривать мужчину со шрамом в качестве злодея. В атмосферу клуба он не вписывался, но кто знает, может, для таких имеются особые предложения для развлечений, которыми он и воспользовался? Для гостей VIP-категории однозначно приготовлено нечто более привлекательное, чем скачущая под громкий бит толпа.

– Хватит на это смотреть, – вырвав из рук Дины телефон, закрываю страницу. – Мы их не знаем.

– Тебе их не жалко?

– Мне жалко лишь тех, кто мне не безразличен. Если ты собираешься всю жизнь сочувствовать каждому встречному, сердца не хватит. В большинстве своём люди этого самого сочувствия не заслуживают, создавая сами себе проблемы. Причина может быть разной.

– То есть если на твоём пути попадётся человек, который нуждается в помощи, ты не поможешь? – Дина сканирует

пытливым взглядом, ожидая ответа, который, скорее всего, ей не понравится.

– Если человек находится в безвыходной ситуации, которая требует вмешательства со стороны – да, если же на меня просто стремятся перекинуть вполне решаемые проблемы – нет. Папа мне всегда говорит: «Не бери больше, чем можешь унести – шея сломается». Чем старше я становлюсь, тем отчётливее понимаю, что он прав. У каждом из нас есть предел, после которого происходит надлом и помощь другому оказывается фатальной для тебя самого.

– А мне всем хочется помочь. – Дина пожимает плечами и опускает глаза, чем цепляет мою крепко спящую совесть. – Не могу пройти мимо.

– Дина, – присаживаюсь у ее ног и, поймав потускневший взгляд, продолжаю: – Я не говорю, что сострадать – это плохо, я лишь хочу донести, что не все этого заслуживают. Бывают люди, – мнусь, не зная, как объяснить то, чем делился отец, описывая своё прошлое и часть настоящего, – которых очень сложно назвать людьми. Я очень надеюсь, что тебе никогда не придётся столкнуться с такими, но если всё же так случится, что на твоём пути возникнет недостойный человек, надеюсь, ты примешь верное решение и оставишь его проблемы в стороне.

– А что значит «сложно назвать людьми»? – Округлившись глаза просто кричат о непонимании озвученных мною образов.



– Это те... кто совершает поступки, которые находятся за гранью твоего понимания. То, что делают эти люди, для тебя неприемлемо и несвойственно. Например, два парня, которых сегодня убили. Ты сострадаешь их убийце?

– Нет, конечно! – недовольно фыркает, вскакивая со стула. – Он забрал жизнь. Неважно, в чём и перед кем провинились эти парни, но смерти они не заслуживали.

«Не факт», – хочется ответить Дине, но я вовремя торможу себя, чтобы от моих слов не разнесло девственный мозг, который не примет того, что могу принять я. В нашей семье есть вещи, которые все принимают постфактум, как, например, история жизни отца и Гриши.

– Вот об этом и говорю – не все достойны помощи.

– Я тебя поняла, – кивает Дина, в глазах которой разливается облегчение. – Есть люди, которым ты можешь помочь, но не хочешь в силу собственных убеждений, так?

– Если просто – да. Ещё проще: не всем требуется помощь. Иногда спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

– Вывод?

– Простой – пора спать, – хохочу, силясь разрядить обстановку и вытащить Дину из того хаоса, в который она себя тщательно заталкивает. – Все умные беседы завтра, когда твой организм отойдёт от десятка шотов, а я придумаю ответ.

Толкаю её в комнату, и уже через двадцать минут рядом

слышится мерное посапывание, а подруга наконец, замолкает.

Ворочаюсь, думая о разговоре с Диной и смысле сказанных мною слов. Пять лет назад Тасе пришлось сделать выбор, благодаря которому Гриша сейчас рядом. Я много раз прикидывала положение, в котором оказалась сестра, на себя, так и не дав однозначного ответа: а смогу ли я совершить столько усилий для одного человека? Ради семьи да, а ради кого-то постороннего? Но Яров уже тогда плотно засел в мыслях и сердце Таси, именно поэтому её действия были направлены на спасение дорогого ей человека. Ради Барни я вряд ли решилась бы поступиться своим благополучием, а кого-то более значимого в моей жизни не случится. С этой мыслью проваливаюсь в сон, в который нагло является незнакомец со шрамом, вызывая стойкое желание никогда больше с ним не встречаться.

## Глава 4

– Ань, ты уже проснулась?

– Угу, – бурчу нечто неразборчивое, а сама не желаю даже открывать глаза.

Мой организм сопротивляется, а ноги напоминают, что отдых не помешает. Может, сегодня сделать выходной и никуда не идти? Впереди ещё две с половиной недели, и один день ничего не решит. Хотя, по-моему, на сегодня было что-то запланировано...

– Ты помнишь, что мы сегодня должны были лететь в Питер? – Дина садится на край кровати, дотрагиваясь до моего плеча и проверяя, слышу ли я вопрос. – Тут такое дело... не получится. Но ты можешь сама. К тому же ты сказала, что чувствуешь себя вполне комфортно, бродя в одиночестве по интересным местам.

– Что случилось? – Тревога в голосе девушке заставляет разлепить глаза и повернуться.

– Мама ногу сломала, – тяжело выдыхает, поглядывая на телефон. – Запнулась, упала, и вот. Брат уехал в командировку, а его жена с грудным ребёнком одна. В общем, нужно поехать, решить вопрос с больницей и доставкой домой, костыли найти, быт организовать... Вот такая новость в первый день отгулов. Я не могу не поехать, – разводит руками, словно извиняется за то, что от неё самой не зависит.

– Да брось, Дин. Вопросов нет, маме нужно помочь. А давай я с тобой? – приподнимаюсь на локтях, впитывая удивлённую реакцию Дины.

– Тебе будет неинтересно: областной город, достаточно большой, но ничем особо не примечательный. Да и живём мы просто.

– Просто не всегда плохо. Да и не хочется оставшееся время находиться одной. Пару-тройку дней понятно, но не всё время. Поеду с тобой, может, чем помогу. И не переживай за меня, развлечение я найду, – успокаиваю Дину. – Какой город?

Она произносит название, и я тут же понимаю, что это соседняя область с той, что для меня под запретом. На минуту впадаю в панику, не желая послушаться папу, но затем понимаю, что добровольно направляться в запретное место не стремлюсь, а значит, обещание не будет нарушено.

– Бери билет и на меня тоже, – подсказываю, направляясь в ванную. – Когда едем?

– После обеда. Поезд идёт десять часов. Ночью будем там.

– А самолёт? – высовываюсь, параллельно чищу зубы и понимаю, что не готова столько трястись в поезде.

– Полтора часа.

– Бери на самолёт. Я оплачу. Не хочу столько болтаться в дороге.

– Ань, ты за клуб вчера заплатила, и сейчас... – мнётся Дина, но по глазам вижу, что она, как и я, не горит желанием

потратить десять часов на дорогу.

– Всё нормально. В средствах не стеснена и вполне могу позволить оплатить билеты себе и подруге, – указываю на неё зубной щёткой, подмигивая и немного поднимая настроение после негативной утренней новости. – Бронируй.

Спустя два часа едем в аэропорт. По дороге звоню маме и сообщаю, что планы немного изменились и поездка в Санкт-Петербург отменяется. Молчу, что пункт назначения в опасной близости от неприятного для неё места. Меньше знает – крепче спит. И папа тоже. И пусть оставшееся время мне придётся провести в родном городе Дины, но я рада, что могу отправиться с ней и посетить незапланированные места. Неприятности исключены автоматически, как только мы покинули столицу. Так мне кажется сейчас. Но папа не устаёт повторять, что женщины семейства Островских притягивают проблемы независимо от их желания, ввязываясь в самые опасные авантюры. Лёгкий мандраж подначивает интуицию, кричащую об опасности этой поездки, но я в России знакома лишь с Диной, которая точно вполне обычная девушка, не имеющая связей с плохими людьми.

Спустя время покидаем аэропорт, чтобы отправиться к ней, по пути зайдя в больницу и выяснив, что мама уже выписалась. Добралась с помощью соседского сына, который заботливо доставил женщину домой.

– Женька хороший. – Дина стыдливо улыбается, пряча взгляд. – Учился на три класса старше меня. Был магнитом

для девчонок всех возрастов. Всегда мне нравился... – потирает ладошки и поглядывает на таксиста, словно опасается, что он нас услышит.

– А ты ему?

– Не знаю, – пожимает плечами, отворачиваясь. – Какое-то время тусовались в одной компании, а потом разбежались. Затем он ушёл в армию, а я уехала в Москву. Мама говорит, что он пока свободен.

– Вот и повод сделать его несвободным, – шепчу ей, подмигивая и толкая в плечо. – Мама болеет, помощь нужна. Об одном попроси, потом о другом...

– Неудобно как-то... Да и как это будет выглядеть? К тому же у него, наверное, девчонок куча, а я рыжик и мелкая, смотреть не на что, – вздыхает, отворачиваясь и провожая взглядом картинки за окном. – Вот ты другое дело: высокая, эффектная, запоминающаяся. Одни синие глаза чего стоят! Никогда такого цвета не видела. Знаешь, сначала думала, что ты линзы носишь.

– Глаза папины. У меня, Кости и Соньки. Только у Таси серые. Мамины.

– Эх, повезло. А я невзрачное нечто.

– Не говори так. Каждый человек уникален, и ты не исключение. Обязательно найдётся тот, кто не увидит во мне ничего привлекательного, и тот, кто посчитает тебя самой красивой на Земле.

– Хоть бы. Ань, у меня ведь и парней толком не было ни

здесь, ни в Москве. Два года отучилась, а отношения не сложились. Так, мало и быстро. Познакомились, несколько раз встретились и разбежались.

– Значит, не твоё, – успокаиваю девушку, которая, по-видимому, медленно, но верно, теряет надежду на счастье. – Твоё тебя обязательно найдёт и, как бы ты ни сопротивлялась, будет снова и снова врываться в твою жизнь, доказывая, что ему место именно рядом с тобой. Нужно немного подождать.

– Сколько? Ты вот замуж через месяц выходишь. Кстати, на свадьбу пригласишь? У меня загранпаспорт есть.

– Обязательно, – даже не думала, что Дина пожелает побывать на чопорном бракосочетании, устроенном семьёй Барнаби. – Кстати, у Барни есть друг Мориц. Мне кажется, он в твоём вкусе.

– Правда? – Зелень вспыхивает радостью, и Дина, напрочь забывшая, что пару минут назад сетовала на судьбу, восхищённо ожидает подробностей.

Показываю ей фото запоминающегося брюнета, получая одобрителные вздохи и пожелания, чтобы месяц пролетел как можно быстрее. Но, в отличие от подруги, меня не покидает желание остановить время, чтобы как можно дольше не возвращаться к жениху. Чем дольше я в России, тем отчётливее осознаю – мы не поймём друг друга, ни сейчас, ни позже. Слишком разные. Но папа своё слово озвучил, и это означает лишь одно: выбора у меня нет. Но я не оставляю

надежды с кем-то познакомиться за время путешествия и насладиться временем, проведённым вдали от Барнаби, чтобы оставить в памяти яркие воспоминания.

– Приехали.

Застываем перед подъездом десятиэтажки и, подхватив сумки, входим, чтобы сразу проследовать к лифту. Маленькая старая кабина вряд ли будет удобна для человека с костылями, о чём я и говорю Дине, которая, выйдя из лифта, замирает и пару минут смотрит на дверь угловой квартиры.

– Сюда? – направляюсь к намеченной цели, но она меня дёргает за руку и тащит к двери напротив.

– Нет. Там Женя живёт, – смущённо прикусывает губу. – Засмотрелась. Ма-а-ам?

Подруга бросает ключи на комод и спешит вглубь квартиры, чтобы отыскать причину нашего приезда. Осматриваюсь, отмечая вполне приличное жильё, новую мебель и приятные запахи. Крадусь, чтобы найти женщин в большой комнате. Мама Дины сидит на диване, осматривая гипс, а затем стучит по нему, чем вызывает смех дочери.

– Ой, мам, это Аннушка, – тащит меня к женщине лет пятидесяти с милыми рыжими кудряшками и добрым взглядом. – Она прилетела несколько дней назад. Я тебе о ней рассказывала.

– Вера Анатольевна, – деловито представляется, а затем рассеивает серьёзность широкой улыбкой.

– Аня. Извините, что приехала вместе с Диной, – заранее



извиняюсь, не зная, возможно, мама подруги меня не ждала, и я нарушаю привычный уклад жизни этих людей. – Лучше здесь, чем одной в Москве.

– Всё в порядке, Аннушка. Места много, все поместимся. Диночка мне поможет немного освоиться с этим, – указывает на загипсованную конечность, – и может возвращаться. Мне три недели с этим как-то жить придётся. Перелом закрытый, осложнений нет, но врач сказал отходить положенный срок.

– Спасибо. Но если я вам буду мешать, скажите. Могу снять номер в отеле или квартиру.

– Интересный у тебя акцент.

– У меня?

– Едва уловимый, но есть. Я учитель русского языка. Слышу. Но обычный человек вряд ли заметит, так что не переживай. Дочь, помоги. – Подхватываем Веру Анатольевну и помогаем добраться до кухни, чтобы ублажить больную и налить чай. – А костыли сейчас Женя привезёт. – Дина заметно дёргается при и упоминании знакомого имени. – Он в центр по делам поехал, обещал добыть мне эти палки. Он молодец, сразу меня забрал, как только я Свете позвонила. Не поленился с тёткой возиться. О тебе спрашивал: когда приедешь, насколько, одна ли...

– А ты что сказала? – Подруга моет посуду, но нервозность заметна по плечам, которыми она то и дело передёргивает.

– Что с подругой на несколько дней, пока я не привыкну.

– Хорошо.

– Дин, что с тобой? – И если я в курсе причины данной реакции, то для женщины односложные ответы дочери, видимо, выглядят странными.

– Всё в порядке. Просто немного устала. У меня сегодня первый выходной за три недели. Я работала каждый день, чтобы провести время с Аней...

Речь Дины прерывает настойчивый звонок, и она срывается с места к двери. Иду следом, чтобы увидеть того самого Женю. Приятный коренастый парень топчется на пороге, размахивает перед девушкой костылями, что-то активно объясняя. А подруга словно парализованная, следит за каждым взмахом его руки. И всё же увлечённость выглядит со стороны нелепо и искренне, но я молчу, не желая прерывать живые эмоции первой встречи спустя пару лет. Спустя бесчисленное количество минут парень всё-таки замечает меня.

– Евгений, – протягивает ладонь, которую я тут жежимаю.

– Аня. Приятно познакомиться. Слышала о тебе только хорошее, – лукаво посматриваю на Дину, выражение лица которой просто кричит, что я поплачусь за свои слова, если выдам её секрет.

– Я предлагал Дине сегодня прогуляться в центре, но, наверное, Вера Анатольевна ещё слаба, чтобы оставлять её одну? – бегают глазами между мной и подругой.

– Ничего я не слаба. Идите, куда хотите, – слышится из кухни, что означает: мы получили официальное разрешение на выгул Дины.

– Идём? – Подруга, едва не плача, пытается меня взглядом, умоляя согласиться. И им бы побыть вдвоём без дополнительного элемента в виде меня, но, скорее всего, мой отказ спровоцирует отказ Дины, поэтому кивком выражаю согласие, чем заслуживаю улыбку парочки. – Значит, в семь тебя ждём.

И как только дверь закрывается, Дина прижимает ладошки к лицу и скачет на месте, сдерживая радостный писк. Безграничная чистая радость человека, который получил желаемое, увеличивает градус и моего настроения.

– Я так понимаю, Мориц отпадает? – шепчу, чтобы Вера Анатольевна не услышала.

– Да-а-а, – крутится на месте, подскакивая на одной ноге. – Кому нужны чопорные европейцы, если рядом такой парень, как Женя?

С трудом сдерживаюсь, что не сказать «и мне не нужны», но, увы, за две с половиной недели невозможно встретить кого-то, способного разжечь чувства до состояния стихийного бедствия. Иногда мне кажется, что я зажата, как папа, научившийся за двадцать лет делиться лишь с мамой, понимающей с полувзгляда родного человека. Чтения Барнаби не требуется. Привыкший говорить открыто, он лишает наши отношения интриги и огня. А может, мне нужен такой же,

как Женя? Пусть не навсегда, лишь на время, что я проведу здесь. А вдруг моя поездка – единственная память о тех временах, когда я могу быть самой собой, совершать неразумные поступки и не задумываться о правильности своих действий? А потом... только Барни и правильность до тошноты.

И пока я поглощена внутренней борьбой послушной дочери и бесшабашной девицы, желающей найти приключения на свою задницу, Дина доносит маме информацию о приглашении Жени. И кажется, что Вера Анатольевна приободрится и с радостью убеждает дочь, что и сама справится, пока парень будет выгуливать нас в городе.

## Глава 5

– Итак, девочки, за ваш приезд! – Женя салютует нам стаканом с соком, а мы отвечаем кофе.

Поддержала Дину, отказавшуюся от алкоголя, потому как, по скривившемуся лицу поняла, что ее организм ещё помнит поход в клуб и нескоро сорвётся в хмельное веселье.

– Жень, а чем ты занимаешься? – задаю вопрос, которые хотела бы озвучить Дина, но последний час подруга сжимается и заливается румянцем каждый раз, когда объект её симпатий обращается напрямую.

– Как только из армии вернулся, устроился в ЧОП. Год поработал, а потом двоюродный брат предложил пойти водителем к одному большому человеку. Дал мне хорошую характеристику, замолвил, так сказать, словечко. И вот я у него уже пятнадцать месяцев на службе.

– Бизнесмен какой-то?

– Можно и так сказать. – Парень ухмыляется, вероятно, не желая делиться нюансами, и тем самым разжигая интерес. – Он контролирует этот город.

– Мэр, что ли?

– Нет, Аня, – потирает переносицу, поглядывая на Дину, которая с открытым ртом ждёт продолжения. – Есть те, кто руководят территориями законно, а есть такие, как мой шеф. Его часто называют «хозяин города», и, как ты пони-

маешь, к официальным должностям это не имеет никакого отношения.

Быстро складываю короткие сведения, прекрасно понимая, о чём говорит парень, считающий меня далёкой от мира, где правят сила, деньги и оружие. Думаю, мой отец тоже когда-то носил титул «хозяин города», что и заставило его схватить маму и уехать из страны, где безопасность его самого и близких была под вопросом.

– Уточни, пожалуйста, города или области? Если только первое, то уверена, есть масса людей, которые находятся на ступень выше. Если же второе, то, скорее всего, контролировать такой большой регион сложно, а значит, есть те, кто желают занять его место, прибрав территорию к своим рукам.

– Второе. – Сухой ответ и замешательство на лице парня кричат о том, что он не ждал подобных суждений от девочки, по его мнению, далёкой от этого мира. – И ты права – желающие имеются. Но сейчас люди предпочитают «воевать» на информационном поле: компромат, заказной слив, свидетели за деньги, вброс фейков. В общем, что угодно, чтобы испортить репутацию. Есть множество способов уничтожить человека, не прибегая к физическому насилию. Но и классическими вариантами не брезгают. В крайних случаях.

– Жень, ты работаешь на бандитов? – Губки Дины вытягиваются в букву «о», и, кажется, она уже не так вдохновенно реагирует на того, о ком ещё несколько часов назад говорила с придыханием.

– Я работаю на человека, у которого легальный бизнес. Подробности незаконной деятельности не знаю. Только слухи, но и они часто оказываются лживыми.

– Ладно. – Подругу немного отпускает, но заметно, что тревожность не ушла до конца и, скорее всего, Дина задаст ещё не один вопрос парню. – Не хотелось бы, чтобы у тебя возникли проблемы.

– Их нет, – отрезает Женя, допивая сок и подзывая официанта. – Я выполняю обязанности и получаю деньги. Всё. Работаю по сменам. Кстати, моя начинается через полтора часа, – щёлкает телефон, чтобы посмотреть на время и дать понять, что продолжим вечер мы уже без него. – Я сегодня в ночную.

– А разве ночью нужен водитель? – Дина не прекращает допрос, видимо, решив выудить из Жени всё.

– Иногда да. Ночные смены спокойные, за редким исключением.

– Каким?

– Когда к шефу его женщина приезжает. Кстати, ты чем-то на неё похожа, – прищуривается, внимательно меня осматривая.

– Ань, это не совпадение, – звонко смеётся Дина, – может, у Островских тут родня осталась? Или у тебя есть сестра, о которой ты не знаешь?

– Как ты сказала, Островские? – Парень заметно напрягается, не обращая внимания на вопросы подруги.

– Именно так, – подтверждаю.

– Интересно... Недавно шеф с кем-то общался по телефону, несколько раз произнёс «Островский», а затем назвал его так интересно... – щёлкает пальцами, прикрыв глаза и сиюсь вспомнить, – впервые такое слышу...

– Парето?

– Точно!

– Прозвище отца. Достаточно запоминающееся, чтобы вызвать интерес.

Парень замирает, сосредоточив на мне внимание. Неприятный взгляд, наполненный колючим холодом, заставляет повести плечами и съёжиться. Лишь на секунду, а затем я привычно выпрямляю спину и жду атаки, которая отменяется, когда Женя поднимается, предварительно расплатившись, и кивает на выход.

– Ну всё, девочки, я поехал, – касается губами лба Дины, которая растекается от мимолётного жеста и практически висит на Жене. – Долго не гуляйте, с незнакомыми дядями не разговаривайте. Завтра позвоню.

Помахав рукой, садится в подъехавшее такси, и уже через несколько секунд мы остаёмся вдвоём у дверей кафе. Неприятный осадок после реакции Жени напрягает и заставляет насторожиться. Кто он, человек, на которого работает сосед Дины? И откуда знает папу?

– Ты разочарована? – спрашиваю подругу, как только начинаем движение, идя в произвольном направлении.



– Чем?

– Мне показалось, что ты расстроилась, когда он сказал, что работает на человека, имеющего проблемы с законом.

– Пока я не поняла, как к этому относиться, – пожимает плечами, накидывая кофту с длинным рукавом. Солнце давно спряталось, и августовское тепло сменилось лёгкой прохладой ночи. – Но он работает. Некоторые из моих одноклассников в свои двадцать с хвостиком значительно опустили, а двое даже отошли в мир иной. Женя же нашёл приличное место с хорошим заработком и, насколько я знаю, помогает матери и сестре, которая осталась с маленьким ребёнком после развода. Наверное, это показатель: человек думает не только о себе и умеет заботиться о тех, кто в нём нуждается. И знаешь, он мне всё равно нравится. Не знаю, возможно ли нечто большее, но заинтересованность с его стороны имеется. Вот только...

– Что?

– Я пробуду здесь недолго, вернусь в Москву... Не верю в отношения на расстоянии при безмерном количестве существующих соблазнов. Буду нервничать, переживать, накручивать себя... Скорее всего, нет у нас никакого будущего... – Подруга останавливается, всматриваясь в ночное небо и едва слышно всхлипывая.

– Ну вот, утром сетовала на отсутствие отношений, а когда они замаячили на горизонте, да ещё и с тем, к кому давно неровно дышишь, ты сливаешься, даже не прочувствовав их

прелесть.

– А если всё закрутится и я захочу остаться с Женей?

– Оставайся. Кто-то будет против?

– А как же учёба?

– Ты живёшь в достаточно большом городе, где, уверена, имеется приличное учебное заведение с нужным тебе направлением. Переведёшься сюда.

– Я хотела московский диплом. Поехать по обмену опытом в другую страну, возможно, остаться там... – гулко вздыхает и не спеша направляется по тротуару.

– Знаешь, Дин, в жизни каждого человека наступает момент, когда приходится выбирать. Часто этот выбор сложный, мучительный, но от него зависит, с кем и как ты продолжишь свой путь. Нет однозначного «правильно», и советы близких не помогут. Ты должна выбрать сама, а вот головой или сердцем, покажет время.

– Очень интересно, но ничего не понятно, – фыркает девушка, ускоряя шаг и направляясь всё дальше от центра. – А если выбрать не представляется возможным?

– Мой папа любит повторять: «Человеку, который медлит с выбором, достанется выбор, сделанный обстоятельствами». Из этого следует: либо ты принимаешь решение сам, исходя из своих желаний и здравого смысла, либо пускаешь всё на самотёк и принимаешь как должное то, что за тебя определяют. По сути, всё просто.

– А ты когда-нибудь стояла перед выбором? – Дина, оста-

новившись, вливается в меня взглядом, ожидая помощи в своих сомнениях. – Чтобы не понимать, как поступить, колебаться?

– Нет. И надеюсь, что подобного не случится. Но жизнь непредсказуемая: сегодня ты чётко осознаёшь, чего хочешь, и целенаправленно топаешь в выбранном направлении, а завтра замер на распутье в сомнениях. Предугадать сложно. Но, – подхватываю девушку под локоть и тащу за собой, – ты до контрольной точки ещё не дошла, так что переживать слишком рано. Слушай, а где мы?

Осматриваюсь, понимая, что за беседой мы забрели на какую-то окраину. Перед нами полуразрушенное здание, устрашающе манящее тёмными прямоугольниками без стеклопакетов.

– Это старый торговый центр. В прошлом году его признали аварийным. Какие-то проблемы с цокольным этажом и фундаментом. Кто-то выкупил землю, сносит старое здание до основания, чтобы построить что-то другое. Говорят, здесь будет бизнес-центр, но это не точно.

– А нам далеко до дома? – осматриваюсь, понимая, что причиной темноты является отсутствие фонарей, да и машины не мчат потоком. – Давай такси вызовем.

Дина оставляет заявку на машину, время ожидания которой пятнадцать минут. Застываем на месте, и как только глаза привыкают к темноте, замечаю красные огоньки перед полуразрушенным зданием.

– Ань, смотри, там машина, – тычет пальчиком.

– И что? Может, это тот, кто относится к стройке, или просто остановился поговорить по телефону...

– Или сексом занимаются.

– А что, вполне бюджетный вариант, – прыскаем, представляя, что недалеко от нас уединившаяся парочка предаётся разврату.

– Нет, Ань, там дверь открыта... – Дина подаётся вперёд и прищуривается, стараясь рассмотреть в непроглядной тьме детали. – Звук слышишь?

Прислушавшись, улавливаю монотонный сигнализатор открытой дверцы, который спустя минуту становится надоедливым.

– Ну открыта и открыта, нам какое дело? Может, человек дышит свежим воздухом или курит.

– Пойдём, посмотрим, – тянет меня за руку, пока я врастаю на месте и упираюсь, дёргая Дину на себя.

– Не стоит. Это не наша забота. Ты что, ко всем машинам подходишь, или только к тем, что припаркованы на заброшенной стройке по ночам?

– Может, помощь нужна, а? Плохо человеку, сердце схватило, упал и сознание потерял... Пошли.

– Не пойду я, – сжимаю ладонь Дины. – И тебе не советую.

– А я посмотрю.

Вырвавшись из моего захвата, несётся к автомобилю. С трудом поспеваю за ней, споткнувшись, едва не падаю, за-

держав тело ладонью, чувствуя, как в кожу впиваются мелкие камешки, принося саднящую боль. Даже не думала, что Дина так быстро бежит. Останавливаюсь в нескольких метрах от машины, отметив, что это «Астон Мартин» бронзово-красного цвета. На такой каждый второй не ездит, тем более здесь. И пока исследую кузов, подруга, застывшая перед открытой пассажирской дверью, мычит нечто неразборчивое.

– Дин, что там?

В ответ она лишь тычет пальцем, а когда приближаюсь, понимаю, во что именно. Точнее, в кого. На переднем сиденье мужчина: голова откинута назад, на белой рубашке растеклось красное пятно, а в правой руке зажат пистолет. Картинка бьёт по глазам, тело реагирует на опасность, и я тяну Дину прочь, но она вновь упирается.

– Ань, ему надо помочь, – шипит, не двигаясь с места.

– Если он жив.

Сразу понимаю, что ранение в область живота огнестрельное, а оружие в руках подтверждает догадку. Не успеваю пикнуть, как Дина прикладывает два пальца к массивной шее, надеясь найти пульс.

– Ты фильмов, что ли, насмотрелась? – обхватываю его запястье и чувствую редкий пульс. – Жив.

– Давай поможем. Скорую вызовем? – Киваю, и подруга набирает номер, но через пару секунд сообщает: – Здесь сети нет. Может, аптечка есть?

Ругая себя всевозможными бранными словами за то, что иду на поводу у Дины, обхожу машину и открываю багажник, сипло вскрикиваю и зажимаю рот ладонью, потому что передо мной человек в позе эмбриона со связанными руками и заклеенным ртом. Нет сомнений, что он мёртв, потому что между глаз зияет дыра. Меня отпускает спустя минуту. Трупы я видела, только они не были неожиданностью. Вытягиваю спортивную сумку, а открыв, обнаруживаю ещё оружие. Кто бы сомневался, что в такой машине аптечки не будет. Да и не помогут раненому бинт и таблетки.

– Что там? – едва успеваю закрыть багажник, как рядом оказывается Дина.

– Ничего особенного.

– Ань, – тянется рукой, чтобы открыть, но я успеваю оттолкнуть конечность.

– Дина, тебе не надо смотреть. Послушай меня, пожалуйста, хотя бы сейчас.

– Но ты же посмотрела, – пялится непонимающе, словно заинтригованный ребёнок, которому отказывают в желаемом.

– Я переживу. Аптечки нет. Да и не поможет ему она. В больницу нужно.

Возвращаясь к мужчине, смотрю недолго, а затем осторожно поворачиваю его лицо и сразу отшатываюсь, потому что передо мной тот самый незнакомец из клуба. И сейчас, когда я рассматриваю его максимально близко, шрам кажет-

ся более глубоким, а губы – стянутыми в тонкую ниточку. Неожиданно он открывает глаза, впиваясь в меня мутным взглядом. Немая сцена, когда я не дышу, ожидая его действий, предугадать которые невозможно, но он лишь издаёт мычание и шевелит губами. С трудом, но я могу разобрать «помоги». Сердце спотыкается, а затем разгоняется до немыслимой скорости, отбивая глухие удары в висках, потому что внутри что-то щёлкает, и я понимаю, что уже не смогу оставить его здесь. Незнакомый, чужой, случайный, – но назойливая мысль подгоняет меня сделать для него хоть что-то, а скулёж подруги увеличивает желание.

Его глаза закатываются, а настойчивый сигнал автомобиля вырывает из марева. Такси, которое Дина вызвала, приехало за пассажирами, остановившись там, откуда мы пришли.

– Езжай домой. Я отвезу его в больницу.

– Ань, нет! Я с тобой!

– Если ты не заметила, машина двухместная. На крышу вскарабкаешься? Или следом побежишь?

*И багажник занят.* Едва сдерживаюсь, чтобы не произнести вслух.

– Я не могу тебя оставить одну. Я... я хочу помочь. Это же вроде я тебя притащила... – виновато осматривается, теперь осознав, как опрометчиво поступила.

– Поздно сожалеть. Нужно помочь, иначе он истечёт кровью, – киваю в сторону незнакомца, а затем вынимаю из его

руки пистолет, откладывая в сторону, закидываю его ногу и закрываю дверь. — Поэтому ты едешь домой на такси, а я сама разбираюсь с ним.

— Анька, ты такая смелая, — вдохновенно выдыхает. — Я бы так не смогла.

— Всё, — останавливаю Дину, — вперёд, — указываю на такси, которое вот-вот уедет, оставив на мою голову ещё и подругу. — Я позвоню, как только появится сеть. Иди! — повышаю голос, подталкивая Дину, к моему облегчению срывающуюся с места в направлении ожидающей машины.

Сажусь за руль, ищу ключ, но нахожу лишь кнопку, жму на неё, но двигатель не заводится.

— Чёрт, — ругаю себя, — не хватало ещё зависнуть здесь с тобой... — прислушиваюсь к рваному дыханию мужчины.

Мне не страшно. Нет. Будто мы знакомы, и я помогаю небезразличному человеку. Удивительное чувство, которого по всем правилам быть не должно. Стараюсь не думать о трупе в багажнике и причинах, по которым он там оказался, и всё ещё осматриваюсь, не понимая, как завести машину. Нажатие на кнопку не даёт результатов, но появляется значок — отпечаток пальца. Ясно. Персональные настройки, вероятно, под заказ. Осторожно беру руку незнакомца и прикладываю большой палец, тут же услышав рёв мотора. Машина принадлежит ему, что отчасти радует. Хотя бы не в угоне.

Выруливаю со стройки и еду туда, откуда мы с Диной пришли, вспоминая, что в центре видела больницу. Но уже через



минуту паркуюсь и откидываюсь на спинку. Ситуация не в мою пользу: раненый, труп и сумка с оружием. И это только то, что я вижу. Мне однозначно зададут вопросы, и что отвечать, ума не приложу. Совет. Мне нужно мнение человека, понимающего, что делать в подобных ситуациях. Достаяю телефон, радуясь наличию связи, и набираю того, кто точно ответит.

– Слушаю, – голос Гриши мгновенно успокаивает, – девочки, тише! Тётя Аня звонит. – Вероятно, племянницы в отсутствие мамы проверяют на прочность нервную систему отца. – Ань, ты тут?

– Ситуация: я за рулём машины, в которой труп, куча оружия и раненый. Мои действия?

На миг меня обдаёт тишиной, а затем щелчок даёт понять, что Гриша ушёл от дочерей, чтобы сосредоточиться на разговоре.

– Остановись. Выйди. Вали.

– Я серьёзно.

– Аннушка, я на полном серьёзе предлагаю выполнить озвученный алгоритм действий.

– Не знаю, как в России, но у нас такое наполнение автомобиля вызвало бы много вопросов у полиции.

– В России к такому наполнению плюсом пойдёт большая вероятность, что уже сегодня твой раненый станет трупом. Причём случится это на больничной койке и не по причине полученных ранений. Так что варианта два: либо ты следу-

еешь моему совету, либо везёшь туда, где ему помогут. Как ты понимаешь, я сейчас не об официальных медучреждениях говорю.

– Мне нужен контакт второго варианта.

– Для начала, где ты находишься? В Москве?

– Нет, – скороговоркой называю область и город, вызвав рычание Гриши, а следом и нецензурную брань.

– Костя просил тебя не соваться в опасные места. Какого хера ты туда попёрлась?

– У Дины мать ногу сломала. Поехала с ней, чтобы не прозябать в одиночестве в Москве. Думала, вернёмся через пару дней, но случайно обнаружила машину с раненым.

– Случайно?! У твоей матери тоже было «случайно», и у Таси «случайно», а теперь у тебя. Это генетически встроенный маячок, который притягивает к вашим задницам ненужное дерьмо? Или вы сами как-то определяете направление?

– Гриш, заканчивай с нотациями. Мне по-прежнему нужен контакт.

Пара гулких выдохов, и он выдавливает из себя адрес, который я тут же вбиваю в навигатор.

– Тридцать пять минут, – рву с места, выжимая газ. – Что сказать?

– Назови свою фамилию.

– Так просто?

– Аннушка, фамилия Островская – это ключ, открывающий множество дверей. Но прежде чем им воспользоваться,

подумай, а стоит ли туда ломиться.

– Поняла. Спасибо за контакт. И за совет. Отцу ни слова.

– Ань, держи меня в курсе. Хотя бы меня. Семью оповещать не буду, но если твоя неугомонная задница начнёт подгорать, сразу звони.

– Гриш, папа меня многому научил...

– Теория и практика – вещи разные. И то, что тебе кажется простым, на деле часто оказывается неразрешимым. Тебе придётся играть по правилам того места, в котором ты оказалась. Советую оставить попутчика у Доктора, свалить и сделать вид, что ничего не было.

– Я так и поступлю, – уверяю Гришу, не предполагая, что всё намного запутаннее.

Отключаюсь, сосредоточившись на дороге и поглядывая на незнакомца. В этот момент понимаю, что мне бы воспользоваться советом Гриши, бросить к чёртовой матери машину и бежать со всех ног, но я каждой клеточкой ощущаю, что нахожусь там, где нужно. Я на своём месте, рядом с тем, кто должен был встретиться на моём пути. Даже не знаю, насколько правильным является то, что растекается по телу густой патокой, но внутренний компас указывает истинно верное направление, которое отображается на большом дисплее.

## Глава 6

Навигатор указывает на съезд в лесной массив, и я не задумываясь подчиняюсь. Не знаю, кто по собственному желанию пойдёт в такую глушь, но выбора у меня нет. Низкий автомобиль бьётся днищем о неровности, издавая неприятный звук. Плевать. Основная задача сейчас не сохранение машины. Незнакомец вновь приходит в себя, встряхивает головой, а затем упирается в меня, вероятно, силясь понять, где и с кем находится. Его руки приходят в движение, и я теперь я опасаюсь, что пистолет, лежащий рядом, может оказаться в его ладони и непроизвольно выстрелить. Поэтому выдёргиваю оружие, ставлю на предохранитель и кидаю за спину. Спустя полчаса выезжаю к большому дому, скрытому деревьями, и останавливаюсь перед воротами. Что интересно, надо мной висит камера, а сбоку установлен селектор. Жму кнопку. Несколько минут тишины погружают в раздумья: куда отправиться, если здесь не помогут?

– Слушаю, – пугаюсь неожиданного ответа.

– Ваш контакт дал Ярый. Моему пассажиру нужна помощь.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Островская Анна Константиновна.

Реакция неоднозначная – полустон и маты. Но ворота отъезжают, пропуская меня на территорию, которая достаточно

освещена, чтобы сразу заметить мужчину, всматривающегося в лобовое стекло. Высокий, за сорок, с большой родинкой на щеке.

– Добрый... – осматриваюсь. – Ночь. Прошу прощения за беспокойство. Мужчина, – указываю на машину, – огнестрельное ранение в живот. По моим прикидкам получено пару часов назад.

– У меня грёбаное дежавю! Пять лет назад с этими словами ко мне приехала Таисия и приволокла Ярого. Тоже нашла себе мужика с проблемами? – усмехается, шагая к пассажирской двери и, открыв, окидывает взглядом клиента.

– Он не мой мужик, – отвожу взгляд, пока Доктор с удивлением ждёт пояснений. – Случайно наткнулась на стройке.

– Стоп! Ты посреди ночи гуляла по стройке, наткнулась на раненого мужика и решила ему помочь? Ваша семья, конечно... своеобразная, но не настолько.

Согласна – объяснение идиотское, но не рассказывать же ему, как подруга кинулась к машине и потащила меня за собой. Вот только Динка сейчас нежится в тёплой кровати, а я мечусь по лесу в поисках помощи «другу».

– Стечение обстоятельств, – не знаю, как ещё пояснить Доктору сложившуюся неоднозначную ситуацию. – Там ещё труп в багажнике, – прячу взгляд, понимая, что мой спаситель сейчас пошлёт меня вместе с незнакомцем. – И оружие...

– Ты из принципа проигнорировала здравый смысл или

у тебя к нему личная неприязнь? Потому что так вляпаться нужно талант иметь.

– Вы поможете или нет? – пресекаю нравоучения, которых в достатке получила от Гриши.

– А у меня есть варианты?

Доктор в одиночку вытаскивает незнакомца, почти взваливает на себя и идёт к боковой двери, кивком указывая, чтобы я её открыла. Минуем комнату, похожую на гостиную, и попадаем в просторное помещение, где меня сразу окутывает неприятным холодом, а когда включается освещение, я почти слышу, как моя рухнувшая на пол челюсть издаёт громкий звук.

Это не просто операционная – большой зал на шесть оборудованных мест, разделённых на секции и отгороженных защитными ширмами. Словно в этом месте «помощь» поставлена на поток. В моём представлении крутилась картинка из какого-нибудь старого фильма, где полупьяный доктор на живую извлекает пули, вводя пострадавшего в наркоз алкоголем.

И пока я растерянно осматриваюсь, Доктор укладывает незнакомца на стол, разрезает рубашку и осматривает ранение. А затем направляет лампу на его лицо и вздрагивает. Замечаю, как дёргается кадык, а шаг, сделанный назад неосознанно, подтверждает, что мужчина знаком с раненым.

– Вы его знаете?

– Нет, – резкий мгновенный ответ.

Он лжёт, но спустя минуту собирается, натягивает перчатки, маску и раскладывает инструменты.

– Тебе лучше подняться наверх. Или ты, как Тася, встанешь рядом со мной?

– Отвращения не испытываю, но участвовать не хочу.

– Поднимайся. Главный вход, кухня слева. Там моя жена Алиса. И не шуми, дети спят, – одаривает недовольным взглядом, и я не сразу понимаю, что Доктор ждёт моего ухода, чтобы приступить к делу.

Выскакиваю на улицу, сделав несколько жадных вдохов и прикрыв глаза. Несмотря на нежелание пройти по пути мамы и сестры, судьба, словно в насмешку, подкидывает на ровном месте проблемы в лице незнакомца со шрамом. Такое чувство, что это наш рок, настигающий в самый неожиданный момент и испытывающий на прочность. Но я могу последовать совету и Гриши и закончить всё прямо сейчас, если переложу заботу о незнакомце на Доктора. И пока я не решила, как поступить, иду в указанном мне направлении, попадая в дом.

– Доброй ночи, – замираю в дверях, заметив на кухне женщину, стоящую ко мне спиной. – Меня ваш муж направил сюда.

– Аня, если не ошибаюсь? – повернувшись, награждает меня тёплой улыбкой и приглашает устроиться на высоком барном стуле. – Я Алиса. Уверена, мой муж не представился. Его зовут Герман.

Нагло рассматриваю привлекательную женщину лет сорока с огненно-рыжей гривой, распадающейся по плечам. Тонкие черты лица приковывают взгляд, и я не замечаю, как улыбаюсь ей.

– Он недоволен моим приездом.

– Он часто недоволен, но отказать тебе не решится.

– Потому что считает своим долгом помочь раненому?

– Потому что ты дочь Константина Сергеевича. К Островским у нас особое отношение.

– Вы тоже знаете моего отца?

– Когда-то твой папа помог Герману, а потом мне. Знаешь, – крутит в руках кружку с горячим напитком, – если бы не Парето, нас бы не было друг у друга. И меня бы не было, – Во взгляде Алисы проносится нечто тоскливое и понятное лишь ей, но уже через секунду она становится серьёзной и, приблизившись, произносит: – Здесь ты услышишь много нелестного о своём отце. Но знай, он всегда помогал тем, кто нуждался: молча, не требуя ничего взамен. И мы тому подтверждение. Благодаря ему мы работаем спокойно.

– Вы тоже врач?

– Да. Как и муж. К нам привозят тех, кому нужна помощь в обход официальных учреждений.

– Знаете, я думала, что уже давно нет подпольных врачей, криминала и разборок.

– Этот мир будет существовать до тех пор, пока человеческие пороки нуждаются в удовлетворении.



– У вас семья, дети. Вам не страшно?

– У нас нейтралитет. Мы не занимаем ничью сторону, не задаём лишних вопросов, не лезем не в своё дело: приняли, помогли, попрощались. Простой алгоритм, выполнение которого является залогом нашей безопасности. И если ты хочешь спросить, как я попала в этот мир, лишь скажу, что таким образом обрела смысл жизни.

Мне кажется, Алиса многое пережила, а глубокие шрамы на её запястьях подтверждают догадку. Не знаю, какой путь она прошла, остановившись в этом месте, но сейчас женщина спокойна. У каждого своё понятие «счастья», и не мне судить, насколько верным оно является.

– А Герман?

– В его случае – наследство. Отец мужа пару десятков лет принимал всех, кто нуждался в медицинской помощи. О нём знали, к нему ехали, его вызывали. После его смерти поток нуждающихся ринулся к сыну, который по стопам отца идти не пожелал. Тогда нам пришлось расстаться... – отводит взгляд, проваливаясь в воспоминания. – Островский помог, и Герман остался в стороне. Ровно до того момента, пока я не появилась в его жизни снова. Переехал из соседней области, чтобы заняться тем, от чего так долго и упорно бежал.

– А Ярова вы знаете?

– Гришу? Конечно! Лет пятнадцать назад он был тем ещё раздолбаем. Но бесконечно милым и обаятельным. Одно время Гера меня даже ревновал к нему, – подмигивает и ти-

хонько хихикает, поглядывая на дверь, чтобы нас не услышал Доктор. – Он слишком долго скитался в одиночестве, пока не пришла твоя сестра и не утащила в свою нору, чтобы подарить ему семью. Я слышала, у них две дочки?

– Двойняшки. Лиза и Катя. Плюс две блондинки к трём имеющимся, – развожу руками, вспоминая панику Гриши, уверенного, что все Островские женского пола на клеточном уровне предрасположены к неприятностям. Замечаю взгляд Алисы, рассматривающей мои тёмные волосы. – Я тоже в числе блондинок, а это, – показываю на свою голову, – кратковременная смена образа. Папа говорит, если у меня, Кости и Сони будут девочки, он сойдёт с ума.

– Женское царство, – хохочет Алиса. – А если серьёзно... Уверена, Константин Сергеевич рад, что, несмотря ни на что, у него большая семья. Некоторые считают, что счастливы в своём одиночестве, но это не так – каждой уставшей душе нужна ладонь, которая иногда будет гладить по голове. Когда-то я тоже заблуждалась, но, к моей великой радости, твой отец решил иначе.

– Вы очень тепло о нём отзываетесь, – констатирую, что всякий раз, упоминая папу, на лице Алисы прорисовывается улыбка.

– Он много для меня сделал. Для нас. Поэтому сейчас Герман латает твоего мужчину.

– Он не мой, – открепиваюсь от незнакомца, давая понять женщине, что наша встреча случайна и меня здесь быть не

должно. – Подруга заметила автомобиль на обочине, решила посмотреть и вот... – развожу руками, вызвав недоумение Алисы.

– И оставила тебя одну?

– Скорее, я настояла на одиночестве. Она слишком впечатлительная, – ухмыляюсь, на секунду представив, что было бы с Динкой, если бы она заглянула в багажник. – Я более спокойно воспринимаю подобного рода вещи, зная историю жизни отца и Таси. Словно каждый, кто рождается в нашей семье, уже с первых дней понимает, что существует вероятность встретиться с тем миром, о котором вы говорили. Своего рода генетическая память.

– Сейчас я будто слышу Островского. И вижу, кстати, тоже. Ты очень на него похожа.

– Больше всех, как он утверждает.

– Именно по этой причине, Аня, ты в состоянии решить любую проблему. Просто думай, как отец. И поступай так же.

И пока Алиса неотрывно смотрит в мои глаза, вероятно, видя образ папы, бросаю взгляд на часы, понимая, что прошло достаточно времени и пора посмотреть на моего незнакомца.

– Я схожу к вашему мужу.

Алиса соглашается, и я направляюсь в операционный зал. Решительно врываюсь в соседнее строение, но тут же застываю, потому что до меня доносятся приглушённые голоса. Видимо, я не закрыла плотно дверь, имея сейчас возмож-

ность услышать, о чём говорят мужчины.

– ... у тебя дети, – хрипит мой незнакомец, едва выдавливая слова.

– У меня нейтралитет.

– Да похуй им на твой нейтралитет. За мной придут. А сюда или в другое место – неважно. Спасибо, что заштопал. В долгу не останусь. Я должен свалить до рассвета. А ты меня не видел.

– Вести машину не сможешь.

– Девчонка сможет.

Он так уверенно говорит, что я, едва не поперхнувшись, прыскаю возмущением. Уже и так сделала для него много, привеза сюда, но продолжать не намерена.

– Девчонка согласия не давала, – толкнув дверь, вываливаю возмущение на мужчин.

Незнакомец по-прежнему лежит на столе, но рану скрывает белая повязка, а на лице появился румянец, что свидетельствует о хорошей работе доктора.

– Давала, когда не позволила мне сдохнуть и притащила сюда, – уверенно заключает, не принимая в расчёт моё несогласие.

– Я могу прямо сейчас выйти за ворота и раствориться. Выбирайся сам. Я в водители не нанималась.

Кажется, он поражён моей наглостью и отказом, к которым, видимо, не привык. Я же чувствую себя очень уверенно, понимая, что Герман и Алиса – те самые люди, которым

я могу доверять. Пока я на их территории, значит, в безопасности, но, выйдя за ворота, рискую оказаться в неопределённом положении.

– Ты привезла меня сюда, автоматически подставив его, – указывает на Германа, который с интересом наблюдает за нашей перепалкой. – Те, кто пытались меня убить, повторяют попытку, но, придя сюда, уберут и его семью. И я бы с радостью избавился от балласта, – кивает в мою сторону, – но только ты можешь сесть за руль.

– А что, друзей у тебя нет? Ни одного человека, который придёт на помощь?

– Нет. – Его взгляд наполняется тоской, которую он мастерски прячет, изобразив безразличие. – Придётся тебе.

– Я вколол обезболивающее. Его хватит на час с небольшим. Ему нужны сон и отдых. Жизненно важные органы не задеты, но он потерял много крови. На счастье, у меня была нужная. Здесь, – Герман протягивает силиконовый пакет, – сменные повязки, инфузионная система, раствор и уколы. Хватит на три дня. Ровно столько ему нужно, чтобы прийти в норму.

– Я с ним три дня нянчиться не собираюсь. У меня, вообще-то, свои планы были.

– Разочарую, дефектная, теперь твой план – я. Дефектная? Мне не слышалось? Интересно, и когда он успел оценить меня и сделать выводы? За три минуты, пока я стою в дверях?

– Как только ты уснёшь, – медленно приближаюсь, наступая на мужчин, – я брошу машину на обочине и свалю. И посмотрим, куда ты доползёшь с этим, – надавливаю на повязку, отчего мужчина издаёт глухой стон.

– Полегче...

– Тогда будь повежливее с той, что спасла твою задницу, – рываю, в ответ получая улыбку Германа, который, как и Алиса, вероятно, сейчас видит во мне отца. Не знаю, откуда во мне столько наглости по отношению к опасному знакомому, но остановиться не могу. – Я жду, – складываю руки на груди, ожидая чего-то похожего на просьбу.

– Я тебя прошу, – цедит сквозь зубы незнакомец, и мне кажется, что он впервые в жизни опустил до просьбы.

– Вот так-то лучше! Только проблема – я не умею ставить капельницы.

– Я оставил катетер. Всё, что нужно сделать: собрать систему, настроить регулятор и вставить сюда, – поворачивает Герман руку мужчины, чтобы я увидела заклеенный механизм. – Всё остальное расписал: дозы и периодичность. Вам даже в аптеку не нужно заезжать.

– Я и не собиралась, – фыркаю, читая в тёмной бездне явное желание меня придушить.

Сам виноват. Вместо благодарности навязал мне себя, да ещё и обозвал. В такие моменты я встаю на дыбы, ошетинаясь и огрызаясь. Именно это, по мнению отца, закапывает здравый смысл в глубокую яму, не позволяя мыслить раци-

онально. Его выдержке можно только позавидовать, и, возможно, спустя двадцать лет и сотню выборов, я буду контролировать свои эмоции, а не они меня.

Незнакомец с трудом садится и, поддерживаемый Германом, делает короткие шаги, пробираясь к выходу. Он выше меня на голову и больше в три раза, поэтому по моим прикидкам в одиночку справиться с перемещением этого тела не получится.

Выйдя на улицу, замечаю, что жёлтый диск выползает над горизонтом, и времени, чтобы обезопасить Германа и Алису, всё меньше. Я верю мужчине: не стоит недооценивать тех, кто стремился забрать его жизнь. Судя по содержимому багажника, мой спутник способен за себя постоять, но если он отключится, я останусь один на один с тем багажом, который прихватила по вине Дины.

– Спасибо, – благодарю Германа, который, усадив мужчину на сиденье и захлопнув дверцу, позволил перекинуться парой слов. – И вам, и Алисе.

– У меня не было выбора.

– Я знаю, что была принята лишь по причине того, что вы знакомы с отцом.

– А сколько лет самой младшей дочке Парето? – Неожиданный вопрос немного озадачивает.

– Четыре.

– Доживу... – Герман закрывает глаза и раздосадованно мычит. – И если через пятнадцать лет она появится на по-

роге моего дома с раненым мужиком в довесок, я поверю в карму, проведение и чёртову неизбежность спасти всех зятьёв Островского.

– Вот только, в отличие от Таси, я привезла к вам совершенно незнакомого человека. И с лёгкостью с ним расстанусь.

Герман ухмыляется, словно желая оспорить мои слова и донести нечто важное, но сдерживается, посматривая на машину. Разворачиваюсь, чтобы занять водительское место, но задерживаюсь, чтобы спросить:

– Как его зовут? Вы же его знаете. Я поняла, когда вы посмотрели на его лицо несколько часов назад.

– Спроси его сама, – пресекает мою попытку узнать хоть что-то о человеке, с которым я окажусь один на один через минуту. – Я могу поплатиться за свою болтливость.

– И на этом спасибо.

– Аня, – окликает Герман, когда я делаю первый шаг, – его называют Глок.



## Глава 7

– Нужно сменить машину, – произносит мужчина, закрыв глаза и тяжело дыша. – Можем привлечь ненужное внимание.

– Ты б ещё «Феррари» жёлтого цвета купил, чтобы быть самым незаметным... – бурчу, понимая, что мы яркое пятно, ползущее по трассе в сторону города. – Оба варианта не самые удобные для перевозки трупов. Что случилось с привычными чёрными джипами, на которых обычно передвигаются такие, как ты?

– И много ты видела таких, как я?

– Не много, но достаточно, чтобы понимать важность слиться с толпой.

Папа всегда выбирает машины, которые привычны на дороге, да и Гриша не изменяет своей на протяжении нескольких лет. Никто из них ни разу не смотрел в сторону того, на чём мы сейчас едем. Но, вероятно, мой знакомый любит комфорт и дорогие вещи. Иной причины не вижу.

– И когда успела? Ты хоть совершеннолетняя?

– Представь себе, да. Мне девятнадцать. А что, Доктор не поделился подробностями моей биографии? – И сейчас меня волнует вопрос: что знает обо мне мужчина? Хотя в моём случае можно сказать одно слово – Островская. Дальнейших объяснений не требуется.

– Доктор жив и здоров только потому, что не задаёт вопросов и не требует ответов. И неважно, кто перед ним. Свою работу он знает, правил придерживается неукоснительно. Уверен, обо мне он тоже не распространялся.

– Ну почему же, я знаю твоё прозвище – Глок. И думаю, получил ты его из-за этого, – достаю пистолет, протягивая руку за своё сиденье, и машу перед мужчиной.

– Предпочитаю этот вид оружия.

– А почему тридцать четвёртый? Семнадцатый легче на двадцать пять граммов и ствол короче, да и в ладони лежит удобнее.

Меня смеривают вопросительным взглядом, а по коже бегут мурашки, оповещающие об опасности. Я знаю это чувство, когда всё человеческое существо заиклено на угрозе и готово отбиваться. Но в такие моменты ты словно парализован, ожидая реакции, к которой, скорее всего, будешь не готов. Сейчас я на месте тех, кто застывает перед отцом, склоняя головы и не решаясь воспроизвести хоть какой-нибудь звук. И возможно, именно по этой причине я впадаю в транс лишь на минуту, а затем скидываю с плеч неприятное марево, чтобы не позволить Глоку упиваться моим страхом.

– Ты кто, блядь, такая?

– Аннушка, – расплываюсь в улыбке, одаривая мужчину самым милым взглядом, на который только способна. – Ты представишься?

– Ты уже знаешь – Глок, – прикрывает глаза, схватившись

за рану. Белая повязка окрашивается в красный, что напрягает. Неужели после пары десятков шагов швы разошлись? Только этого не хватало. — По имени меня давно уже никто не называл. Я его почти забыл.

— А что, у тебя даже нет любимой женщины, которая шепчет нежности на ушко?

— Предпочитаю лимитированные отношения за оговорённую сумму.

— Проституток, что ли?

— Их самых. Мало разговаривают, не спорят, выполняют любой запрос.

— Ясно. Примитивный способ существования на этой планете. Главная задача — в кого-нибудь засунуть член, — ухмыляюсь, понимая, что ещё пара фраз — и попутчик меня пристрелит, потому что негодование, летящее в меня и ощущаемое в области виска, чувствуется физически.

*Аня, закрой свой рот!*

Мысленно приказываю себе прикусить язык и не провоцировать Глока, который хоть и ранен, но всё равно сильнее меня. Бросаю взгляд на его ладонь и прикидываю, что она легко сойдётся на моей шее. Чуть надави, и у Парето останется трое детей.

— Хочешь предложить себя?

— Что?! — задыхаюсь негодованием и переключаю внимание на мужчину, который делает попытку улыбнуться, но затем закашливается и издаёт стон.

– Сейчас я не в лучшей форме, но через пару-тройку дней могу засунуть член в тебя. – В его глазах проносится нечто опасное, заставляющее вздрогнуть.

– При условии, что я не брошу тебя и твой член на обочине, – прищуриваюсь, озвучивая угрозу и надеясь, что Глок всё же благодарен мне за спасение. Вероятно, эта самая благодарность засела очень и очень глубоко, потому что мужчина уверен, что я останусь с ним и исполню рекомендации Германа.

– Не бросишь, – заявляет уверенно. – В противном случае оставила бы подыхать на стройке.

Аргумент. Умалчиваю, что это Дина притащила меня к машине и заставила помочь незнакомому мужчине.

– Куда мы едем? – перехожу к более важному моменту, потому как въезжаем в город.

– Гаражный комплекс. – Глок называет адрес. – Тебе нужен номер девяносто шесть. Код на замке: четыре два восемь два. Перекинь сумку с оружием и мой пистолет. От этой машины необходимо избавиться. Совсем... – Голос становится тише, теряясь в гуле транспорта. – Дальше едешь за город... – Называет ещё один адрес, превращая мои мысли в кашу. – Там можно отсидеться...

– Эй, повтори! Чёрт!

Паркуюсь, включая аварийку, и трясую мужчину за плечо, не получая ответа. Отключился. И сейчас у меня появилась прекрасная возможность открыть дверь, сделать шаг и рас-

твориться в толпе, навсегда забыв о ночном приключении. Но по какой-то причине я остаюсь на месте, бьюсь затылком о спинку сиденья и заставляю себя пошевелиться.

Затиhaю, сделав глубокий вдох и, повернув голову, рассматриваю Глока. Волевое лицо с массивным подбородком напряжено, кожа на губах стянута и обезвожена, а на лбу появилась испарина. Лицо покрыто щетиной – жёсткой и колючей. И я убеждаюсь в этом, проведя тыльной стороной руки по щеке до подбородка. Сколько ему лет? Думаю, около сорока. Он выглядит младше Гриши, но едва тронутые серебром виски заметны при более близком рассмотрении. Провожу по тёмно-русому ёжику, отмечая жёсткие волосы, которые после посещения Доктора торчат в разные стороны. Он по-прежнему в окровавленной рубашке, которая теперь не застёгивается, потому что была безжалостно разрезана Германом. Мне кажется или пятно на повязке стало больше? Проверяю, плотно ли прилегает накладка, отмечая, что тело мужчины сотрясает мелкая дрожь. Это нехорошо.

Но я по-прежнему не двигаюсь с места, игнорируя указания Глока.

– Вали, Аня, – подталкиваю саму себя к решительному шагу. – Это несложно: реши и выйди.

Окидываю взглядом просыпающийся город, наполняющийся транспортом и людьми, которые спешат по своим делам, не подозревая, что один человек погряз в сомнениях, делая нелёгкий выбор. Возвращаюсь к Глоку и явно пони-

маю, что не могу его оставить. Глупость это или же сиюминутный порыв, но отчего-то в данный момент вспоминается история мамы и отца, а также Таси и Гриши. И даже если запланированное мною ошибка, я аккуратно вложу её в копилку под названием «Косяки Ани» и сделаю выводы. Только всё это будет потом, а сейчас возвращаюсь в поток машин и еду туда, куда указал мужчина.

На коленях оживает телефон, и я сразу принимаю входящий от Дины.

– Ань! Анька, ты где? Звоню с шести утра.

– Там, где я была, не ловит сеть. Сейчас в городе. – Умалчиваю, что моё путешествие продолжается.

– Ты домой едешь?

– Нет, Дин. С незнакомцем всё оказалось... сложнее. Пару дней буду недоступна. Но ты не переживай, я позвоню, когда ситуация прояснится. – Размытый ответ, который, по моему мнению, должен успокоить подругу.

– Ты отвезла его в больницу? Останешься с ним? Там есть кому присмотреть.

– Отвезла. Ему помогли. Но придётся присмотреть мне.

– Ань, у тебя проблемы?.. – Голос затихает, обдав тревогой. – Только скажи, я помогу. Я хочу...

– Аня, это Женя. – Женский голос сменяется мужским настолько неожиданно, что я едва не роняю телефон. – Дина рассказала о вашей находке. Если нужно помочь, только скажи.

– Не все люди готовы оказать такую помощь, – не знаю, как отделаться от парня, не выдав нюансы.

– Я готов. Дина поведала в подробностях, какие приключения вы нашли на свои задницы. Уверен, облапали всю машину. И сейчас я больше обеспокоен тем, что у моей любимой женщины могут быть проблемы. – Открываю рот, услышав признание. Если и Дина его слышала, то с большой вероятностью лежит в обмороке, растекаясь в экстазе.

– Я знаю тебя сутки. Слишком мало, чтобы довериться.

– Думаю, вариантов у тебя немного.

И Женя прав – я здесь чужая. И если примерно представляю, как устроен мир, в котором живёт Глок, то правила этого города мне неизвестны. Элементарно нужно найти место, чтобы избавиться от машины, а ещё перенести немаленького мужчину в другой автомобиль, что для меня является сложным. И как бы я ни желала послать Женю, он единственный, кто сейчас может решить хотя бы часть моих проблем.

– Нужно избавиться от машины, – начинаю с менее страшного, но всё же добавляю: – И от трупа.

– Говори, куда ехать.

Так просто, словно он выполняет озвученное каждый день. Хотя, если принять во внимание, на кого он работает, возможно, Дина не так хорошо знает небезразличного ей мужчину. Договорившись встретиться в гаражном комплексе, прошу подругу собрать кое-что из вещей, пока не понимая, насколько увязла с Глоком. Всё практичное и удобное,

отличающееся от прозрачной кофточки, брюк и босоножек на каблуке, что сейчас на мне.

Приезжаю в указанное место, уверенно набрав код и осмотрев новое транспортное средство: чёрный тонированный внедорожник с вместительным багажником. Перекладываю сумку с оружием, стараясь не прикасаться к мужчине, направляюсь к Глоку, но после двух попыток понимаю, что даже с места его сдвинуть не могу.

– Давай помогу.

Вскрикиваю, услышав за спиной мужской голос, но, обернувшись, выдыхаю, увидев Женю. Наклоняется, чтобы подхватить моего попутчика, на несколько секунд засмотревшись на его лицо. Реакция, подобная той, что проскользнула у Германа, когда он убеждал меня, что не знает Глока. Но сейчас не время разбираться, потому что повязка полностью пропитана кровью, а ему требуется капельница, чтобы состояние не стало хуже. С трудом взгромоздив тело в высокую машину, обмениваемся молчаливыми взглядами, похвалив себя за работу. Женя вручает мне передачку от Дины и молча идёт к «Астон Мартину», чтобы устроиться за рулём.

– Машину и багаж, – кивает назад, – не найдут. Куда направляешься?

– Не могу сказать, но буду недоступна дня три. – Парень кивает, принимая мой отказ делиться подробностями. – Успокой Дину, пожалуйста. Это, – смотрю на внедорожник, – не вызывает у меня настолько взрывных эмоций. Со



мною всё будет в порядке.

– Я даже не сомневаюсь, – получаю язвительную ухмылку, словно Женя понимает, что Островские имеют феноменальную способность выбраться из любой задницы.

Проводив взглядом отъезжающий седан, устраиваюсь на водительском сиденье и вбиваю в навигатор нужный адрес.

– Опять лес?! – не сдерживаю эмоций, возмущаясь вслух, потому что точка на карте расположилась внутри зелёного квадрата.

Сомневаюсь, что меня там ждём дом, как у Германа с Алисой, поэтому останавливаюсь возле супермаркета, потратив ровно десять минут на покупку воды и продуктов. Не сразу замечаю, что постоянно оглядываюсь, всматриваясь в лица людей и прикидывая, могут ли они быть теми, кто придёт за Глоком. Может, за нами следят, и мы никуда не доедем? Или я себя накручиваю после слов мужчины об опасности для Доктора?

Больше не останавливаюсь, давлю на газ, чтобы добраться до места до темноты, но спустя пару часов сеть и интернет пропадают, и я просто еду по наитию, вспоминая направление навигатора. Асфальт сменяется просёлочной дорогой, имеющей колею. Люди здесь бывают, что радует, но нас могут найти, и это огорчает. Но спустя полчаса видимая колея заканчивается, и я упираюсь в ряды деревьев, не понимая, в какую сторону двигаться. Телефон отказывается сотрудничать, выводя «только экстренные вызовы». Покрывало пани-

ки опускается на плечи, а короткие хрипы мужчины не добавляют энтузиазма.

Возвращаюсь на пару километров, вспоминая, что видела развилку, но меня ждёт очередной тупик. Вспоминаю картинку навигатора и еду к первоначальному месту. Выхожу, побродив по округе и прикинув, что машина вполне пройдёт между рядами стволов.

– Что ж, попробуем...

Еду в никуда. Просто прямо. Долго. Отмечаю, что местность доступна для проезда, но только для высокого автомобиля, готового потягаться с ямами и возвышенностями. И кажется, что проходит вечность, когда выезжаю к небольшому холму. Конец пути. Потому что даже при особом желании, ехать некуда, а выйдя, понимаю, что с одной стороны протекает речушка, а с другой находится глубокий ров. Готова выть в голос от безнадёжности, усталости и невозможности выполнить простое, по мнению Глока, задание. Но когда подхожу к воде, вижу небольшой домик, который мастерски скрывают пушистые кроны. Он не виден с того места, где стоит машина, но подъезд со стороны реки имеется. Радуюсь, словно маленькая, бегу к автомобилю и уже через пару минут, обогнув препятствие, оказываюсь у жилища.

Небольшое деревянное строение кажется крепким и смахивает на современную постройку, судя по материалам. На окнах кованые решётки, но входная дверь деревянная. Перепрыгиваю две ступеньки, натолкнувший на массивный кодо-

вый замок, и отчего-то сразу набираю цифры, которые уже знаю. Подходит, отворяю дверь, в нос врывается запах пыли и сырости. Давно ли он тут был?

Исследую жилище: две комнаты, одна из которых наполовину занята угловым диваном, столом и тумбочкой, а вторая своего рода гардеробная, где установлен только шкаф. В дополнение имеется кухня, если так можно назвать каморку с электрической настольной печкой и двумя шкафами, один из которых совмещает в себе функцию стола и поверхности для готовки.

Приготовив диван для приёма тела, понимаю, что мне предстоит самое сложное – перенести мужчину. И если предыдущие два раза мне помогали, то сейчас придётся выкручиваться самостоятельно.

– Глок, – несильно трясу его за плечо в надежде привести в чувство. Пусть неосознанно, с трудом, но он может добраться в дом на своих ногах с моей помощью. – Глок... Проснись, пожалуйста... Постарайся немного. Совсем чуть-чуть.

Никакой реакции. Ещё несколько попыток достучаться до раненого не приносят результата, и я решаю оставить его здесь, пока не придёт в сознание. Как бы я ни хотела, чтобы он оказался на горизонтальной поверхности, физически не могу перенести его. И когда я уже готова оставить его, слышу тихое:

– Ты кто?

Взгляд мужчины расфокусирован, плывёт в непонимании, где и с кем он находится.

– Пойдём, – тяну его на себя, заставляя выползти и облокотиться на бок машины. – Вот так, – подставляю плечо, принимая часть массы его тела, и делаю шаг, покачнувшись, но устояв. – Молодец. Ещё шаг...

Две ступеньки становятся непосильной задачей, с которой мы справляемся не сразу, и когда Глок оказывается внутри, опустившись на диван, радуюсь маленькой победе. Снимаю с него рубашку, туфли и брюки, и, как только его голова касается подушки, он затихает. Пакет, который вручил Герман, оказывается кстати, но швы, как я и предполагала, действительно разошлись, поэтому приходится стянуть рану, закрепив кончик, и наложить новую повязку. Неумело и, возможно, неправильно, но в данных условиях, вполне приемлемо на мой взгляд. Установив капельницу, затаскиваю продукты, ещё раз осматриваю домик, обойдя вокруг и поняв, что найти его может только тот, кто знает, куда ехать. И если это логово моего знакомого, то выбрано оно очень удачно.

Связи по-прежнему нет, электричества тоже, как и вариантов узнать больше, пока мужчина не придёт в себя, поэтому убираю систему, закрыв катетер, и ложусь на край дивана. Я не спала больше суток, а насыщенная событиями ночь лишила сил. С одной стороны, понимаю, что спать не лучший вариант при условии, что я нахожусь чёрт-те где рядом с опасным мужчиной, с другой – глаза закрываются сами

собой. Поэтому засовываю пистолет под подушку, вряд ли имея возможность его применить, отмечаю ровное дыхание Глока и отключаюсь.

## Глава 8

Открыв глаза, резко подскакиваю, отчего меня ведёт в сторону, бьюсь бедром об угол стола, почти взыв от боли и потирая ушибленное место, а затем застываю. Тру ладонями лицо и не сразу понимаю, где я, но мужское тело на диване напоминает, что меньше, чем за сутки я нажила себе кучу проблем. Хочу посмотреть, который час, но телефон разряжен и не подаёт признаков жизни.

Присаживаюсь на край, осматривая повязку раненого и понимая, что он лежит в первоначальном положении. И пока ощупываю его живот, рядом раздаётся щелчок, а подняв глаза, сталкиваюсь с дулом пистолета. Секунда липкого страха, а затем я медленно поднимаю руку и отвожу пистолет в сторону, отмечая, что Глок проснулся и смотрит на меня вполне осознанным взглядом.

– Фу! – получается слишком резко. – Брось каку! – бью по мужской руке, отбираю оружие, вынимаю обойму, проверяю ствол на наличие патрона и откладываю на тумбочку.

С интересом проследив за моими манипуляциями, он скидывает бровь. Действие, совершённое на автомате, грозит мне разоблачением, а я не представляю, как отреагирует Глок на фамилию Островская. Если даже Женя в курсе, что Парето – человек непростой, где гарантия, что мужчина передо мной не слышал о нашей семье. Он вполне мог контак-

тировать с отцом или иметь общие дела, или же того хуже – быть по разные стороны. И в случае последнего ему лучше не знать, кто я такая.

– Откуда знаешь Чайника? – Немой вопрос в моих глазах даёт понять, что впервые слышу это прозвище. – Доктора.

– Знакомый поделился контактом.

– Как избавилась от машины и труп?

– Знакомый помог.

– Нихуёвые знакомые для девятнадцатилетней девчонки, – ухмыляется, но сразу же шипит, когда убираю повязку, чтобы посмотреть на швы. К счастью, они не разошлись, и кровь больше не сочится.

– Как себя чувствуешь? – игнорирую его выпад в попытке соскочить с темы.

– Так, будто меняшили, потом куда-то тащили, а потом вновьшили.

– В принципе, так и было, – делаю новую повязку и накладываю квадратный пластырь, который закрывает ранение. – От физического напряжения швы разошлись, пришлось стянуть. Одна из капельниц уже отработана.

– Знаешь, что интересно... – привлекает моё внимание, а мне приходится поднять взгляд, – Чайник, озвучивая рекомендации, даже не усомнился в твоих способностях. Не спрашивал, не уточнял, лишь передал пакет, точно зная, что ты сможешь всё сделать. Напряжённый рядом со мной, к тебе обращался спокойно, без надрыва и настороженности. Он

точно знал, что ты не выдашь его. И меня.

– Вчера я видела его впервые в жизни.

– А общались так, словно знакомые целую жизнь. Или же есть некто, кто замолвил за тебя словечко?

– Можно и так сказать.

Одна моя фамилия говорит сама за себя, открывая нужные двери, как и говорил Гриша.

– Так кто же ты, Дефектная? – Его пальцы ползут по моей щеке, и, сцепив их, он притягивает меня, оказавшись на расстоянии пары сантиметров от моих губ.

– Почему дефектная?

– Потому что любая сыкуха, увидев в тачке мужика со стволом и пулей в брюхе, бросится прочь, а не будет искать варианты помочь, да и ещё и избавляться от трупа. Так что дефект имеется – неспособность прислушаться к здравому смыслу.

– У меня это, скорее, генетическое.

– Как это?

– Это как собачка рождается собачкой. Вариантов родиться кем-то иным у неё нет. – Не знаю, понимает ли Глок аллереорию, но на дне непроницаемого взгляда вспыхивает нечто осознанное. – Да и помогла я тебе только по настоянию подруги.

– И где подруга? Я вижу только тебя.

– Отправила домой. Слишком впечатлительная, чтобы наслаждаться картинкой трупа. Кстати, кто он?



– Лишний элемент.

– Предполагаю, что он оказался в багажнике раньше, чем ты получил пулю. Назревает второй вопрос: кто в тебя стрелял?

– А ты второй труп не видела? – Мужчина напрягается, бегают взглядом, силясь вспомнить события вчерашней ночи.

– Нет.

– Значит, либо не заметила, либо...

– Он не труп. И я так понимаю, что это значительно добавляет проблем.

– В правильном направлении мыслишь. С логикой всё в порядке, с чувством самосохранения проблемы, да? – дышит мне в губы, пока я, вытянувшись по струнке, сохраняю равновесие, чтобы не свалиться на него. – Расскажешь мне что-нибудь о себе, Аннушка?

– Может, начнём с тебя? Чтобы я понимала, во что вляпалась и к каким знакомым обращаться в случае критической ситуации. – И сейчас подразумеваю отца, которому звонить не собираюсь при любых раскладах, потому что его гнев будет посерьёзнее недовольного мужчины передо мной. – Чем ты занимаешься?

– Решаю проблемы людей за очень большие деньги. Радикально.

– Киллер, что ли?

– Вроде того. Ко мне обращаются, когда работу нужно сде-

лать быстро и чисто.

– И тихо?

– Не всегда. Некоторые заказчики требуют представления – громкое послание обязательно дойдёт до адресата. Моя работа не всегда освещается СМИ, но и такое бывает. – Хищный оскал пронзает догадкой.

– Несколько дней назад. Клуб «Melta». Два парня в мужском туалете. Твоя работа?

– Точно, – садится на диване, выпуская из душного плена мою шею. – Ты была там. Слишком запоминающиеся глаза.

– В женский была километровая очередь, а подругу тошнило.

– А ты там была не ради меня? – сжимает пальцами мои щёки, обхватив второй рукой за талию и прижав к себе настолько тесно, что я с трудом дышу. – С оружием ты обращаться умеешь, – бросает взгляд на тумбочку, – трупов не боишься, знакомыми не обделена. Новый игрок? Или посланный казачок?

– О чём ты? – едва произношу, не выпускаемая из захвата Глока.

– Милая девочка, бросившаяся на помощь раненому, чтобы вызвать доверие и оказаться рядом. А дальше? Раскинешь передо мной ноги? Или нет, – хищный оскал, приправленный похотливым взглядом, пугает, – встанешь на колени по первому требованию?

– Я с тобой спать не собираюсь. У меня не было мужчины,

и с какой целью встают на колени, не понимаю.

Тёмные брови ползут вверх, Глок удивления не скрывает, а затем по комнате разносится низкий смех, обрывающийся неожиданно.

– Могу помочь устранить это недоразумение.

Зрачки мужчины расширяются, заполняя почти всю радужку, дыхание учащается, а раздувающиеся ноздри показатель, что «помощь» он готов оказать прямо сейчас. Приблизившись, проводит носом по моей шее, шумно втягивая запах, а затем, оставив влажный след языком, движется к ключице, второй рукой забираясь под кофточку и сжимая грудь. От смеси страха и неизвестности начинает трясти. Пытаюсь вырваться, но Глок фиксирует пятерню на моей талии, сжимая до боли нежную кожу и впечатывая в себя.

– Формы у тебя что надо, – мурлычет, нырнув пальцами под бюстгальтер и очертив сосок, который тут же становится твёрдым. – Отзываешься мгновенно. – Укус на шею показывает, что мужчина готов зайти дальше, даже несмотря на ранение, отбирающее силы. – Так что, Аннушка, готовастонать и хрипеть? Одного раза достаточно. Сегодня. Как только оклемаюсь, мы продолжим. Буду трахать, пока голос не сорвёшь. – Хищный оскал в сумме с затвердевшим членом, упирающимся в мой живот, убеждает, что каждое его слово будет воплощено в жизнь.

От волнения и неизбежности сказанного часто сглатываю, облизывая пересохшие губы. Жест не остаётся незамечен-

ным, и Глок настойчивее лапает мою грудь. Но когда мужская ладонь скользит по животу, чтобы нырнуть в брюки и коснуться самого сокровенного, начинаю биться в его руках, словно птичка, попавшая в силки.

– Не надо... – Скучный писк, вырывающийся из меня, заставляет мужчину взглянуть в моё лицо. – Пожалуйста, не надо... – В глазах застыли слёзы, которыми он озадачен.

– Реально целка?

Киваю, не имея возможности произнести короткое слово, потому что горло сковало напряжением. Внезапно его руки пропадают, даря свободу, и я, подскочив, выбегаю из комнаты, а затем и из дома, чтобы оказаться в машине. И только сейчас приходит осознание, что я один на один со взрослым, опасным мужчиной. И почему я решила, что он будет благодарен лишь за одно своё спасение? Такие, как Глок, берут всё, осушают до дна, а затем уничтожают. Дура, поправшая предупреждение отца и ввязавшаяся в опасную историю.

*«Обещаю не ввязываться в сомнительные авантюры, не знакомиться с подозрительными личностями и не совершать опрометчивые поступки».* Трипл, Аннушка.

*«Я всегда думаю головой».* Задницей я думала, когда решила помочь человеку, этой самой помощи не заслуживающему.

Провернув ключ, наслаждаюсь рокочущими звуками большой машины, представляя, как давлю на газ и сваливаю к чёртовой или любой другой матери подальше от Глока. Ис-

кать меня он не будет, а если улететь домой уже сегодня и оказаться под крылышком папы, то все поиски будут напрасны. Окидываю взглядом домик с чёрными квадратами окон и глушу машину.

Бросить его сейчас, значит, проиграть самой себе. Но Островские всегда идут до конца, каким бы устрашающим этот самый конец ни был. Неслучайно он встретился на моём пути. Случайности неслучайны, как бы ни хотелось верить в стечение обстоятельств и насмешку Вселенной. Значит, он должен был случиться в моей жизни. Пусть довольно неоднозначно и не вовремя, сопровождая своё появление не очень позитивными моментами, но именно так в нашу жизнь приходит то, что отведено.

Выхожу из машины, попадая в крошечную тьму и едва различая ступени, и пробираюсь в дом. Уже с порога слышу тяжёлое дыхание Глока, а когда глаза привыкают к темноте, понимаю, что он сидит в той же самой позе, что и до моего ухода.

– Нужно было уехать, – разрезает тишину негромкими словами. – У тебя, кстати, была уже такая возможность. Неоднократно.

– Сдох бы без меня.

– Бывало и хуже. Выползу. – Уверенный тон – словно плевок и обесценивание усилий, направленных на его благополучие. – О помощи не просил.

– Просил, – вспоминаю, как шептал одними губами с

мольбой в глазах. – Когда я уговаривала подругу бросить тебя. В тот момент мне было плевать, выползешь ли ты, – зло выплёвываю.

Молчит, отвернувшись и, скорее всего, пропустив мои слова, чтобы не реагировать.

– Спасибо, – хриплое и настолько тихое, что любой посторонний звук мог бы его заглушить.

И я уже открываю рот, чтобы съязвить, наигранно удивляясь благодарности, которая ему несвойственна, но останавливаю себя.

– По-моему, рана сочится. Посмотри.

– С удовольствием, но в темноте это проблематично. Телефон сел, даже фонарик не включить.

– Справа от тебя, во втором ящике фонарь. За дверью генератор, переключи тумблер слева внизу.

Следую инструкциям, подсвечивая путь, а выполнив указание, радуюсь освещению. И пусть генератор издаёт не совсем приятный звук, но и его можно потерпеть, если есть возможность не передвигаться на ощупь. Медленно подхожу, оценивая настроение Глока и отмечая, что похотливость схлынула, оставив передо мной мужчину, которому требуется помощь. Именно немая мольба, застывшая на дне почти чёрной бездны, заставляет сесть на край и, придвинув лампу, рассмотреть повязку. Верхний свет отсутствует. Чем это обусловлено, уточнять не желаю.

Убираю пропитанную кровью повязку, отметив, что швы

не разошлись, но края повреждены чрезмерным стягиванием.

– Постарайся не делать резких движений, иначе рана не затянется. Швов всего шесть, но они помогут ткани не расходиться. – Решаюсь посмотреть на него, отмечая сосредоточенность и серьёзность. Надеюсь, он меня услышал, иначе придётся торчать на краю мира вечно. У меня нет столько времени.

– Сообразишь какую-нибудь еду?

– В готовке не сильна, – сразу предупреждаю, чтобы мужчина не ждал от меня изысков. – Но по дороге закупились в супермаркете. По мелочи, но пару дней протянем.

– В шкафу возле генератора армейские сухпайки. Достань две банки с надписью: «Каша рисовая с говядиной». Она готовая, просто разогрей.

Следующие двадцать минут готовлю «ужин», который, признаться, пахнет аппетитно, но внешний вид не внушает доверия. Приношу Глоку тарелку, вручая вилку и ставя на тумбочку воду, а затем наблюдаю, с какой жадностью он поглощает еду.

– Почему не ешь? Очень вкусно.

– Не уверена, – с сомнением разглядываю содержимое тарелки.

– Попробуй.

И я пробую, отмечая, что он прав – язык проглотить можно. Жуём в тишине, наслаждаясь скромной трапезой. И

мужчина рядом кажется не таким ужасным, и лес не таким страшным, да и ситуация в целом решается. Вот что значит вкусный ужин: градус озадаченности снижается по мере того, как насыщается тело.

– Расскажешь, что вчера пошло не так? – прерываю затянувшуюся тишину в желании узнать, как Глок получил пулю. По мне, он смахивает на отца, не совершающего ошибок.

– По пизде всё пошло... – закатывает глаза, доедая содержимое тарелки и запивая водой. – Моя работа стоит много. Очень много. Могу выполнить любой запрос. Но у меня есть правила. Первое и самое важное: я не убираю женщин и детей. – Застыв на секунду, боюсь своей догадки. – Что смотришь? Даже у сволочей есть принципы.

– Дай угадаю: целью оказалась женщина?

– С ребёнком. Пацан двух лет. Заказчик изменил цель в последний момент, насрав на оговорённые ранее условия. Исполнять отказался, снялся с точки, предоплату не вернул по правилам договора.



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.